

Экономический суверенитет: свобода хозяйствования или обеспеченность существования?

Введение

Предварительные замечания

В самом общем виде экономический суверенитет какого-либо субъекта представляет собой его возможность самостоятельно обеспечивать свое собственное существование. Поэтому пара понятий, вынесенная в заголовок работы: "свобода хозяйствования" и "обеспеченность существования" представляет собой полное описание содержания того, что понимается в данной работе под экономическим суверенитетом.

Разумеется, экономический суверенитет может иметь разные степени реализации как каждой из сторон приведенной выше пары понятий, так и из совокупности. Возможно, идеал суверенитета выглядит так: "возможность субъекта делать все, что заблагорассудится, и чтобы за это ему ничего не было". По-видимому, таким суверенитетом обладает только Творец, или Природа – вряд ли существует единое обозначение той реальности, частью которой все мы являемся.

Проблема суверенитета в экономике, как и любая фундаментальная проблема, не может быть сколько-нибудь полно раскрыта средствами какой-либо одной науки. Только применение многообразных подходов позволяет приблизиться к их пониманию.

Вкратце обозначим границы основного течения в экономической теории, которые необходимо перешагнуть, чтобы двигаться дальше при рассмотрении экономического суверенитета. Печка, от которой танцуют в учебниках, – ограниченность благ по сравнению с потребностью в них. С этим связывается необходимость максимизационного поведения агентов (индивидов, фирм). На эти понятия "навешивается" в теории всё, включая суверенитет. Присмотримся к ним повнимательнее.

Под ограниченностью (благ) в экономике подразумевается, прежде всего, их определенность – количественная, а вместе с нею и качественная. Когда в качестве блага рассматривается какая-либо вещь, пусть самая экзотическая (например, место для спутника связи на геостационарной орбите), такое понимание ограниченности вполне работает.

Иначе обстоит дело, когда в качестве блага (или, наоборот, анти-блага) рассматривается время, в котором живут и действуют люди. Напомним, что именно такая трактовка времени лежит в основе большинства моделей второго блока первой части лекции (модель "Экономика Робинзона" и производные от неё). В этом случае об ограниченности в обычном смысле говорить просто не приходится. Ведь что такое, например, "24 часа" ('24h') на оси времени в этих моделях? Это некая сугубо условная граница, которая на самом деле ничего не ограничивает. Когда мы говорим о количествах времени досуга и времени труда, на самом деле речь идет о пропорциях, которые сохраняются независимо от того, какая определенная, но условная граница проведена на оси времени.

Что действительно ограничено во времени, так это продолжительность жизни каждого человека. Но крайне важно то обстоятельство, что это ограничение совершенно неопределенно для каждого здорового индивида. Таким образом, в случае времени как блага мы имеем дело с чем-то объективно неограниченным, а субъективно (точнее, субъектно) неопределенным, хотя и ограниченным. И это благо мы в моделях рассматриваем совершенно на равных с самыми обычными благами. Искажения, которые при этом неизбежно возникают, не могут не сказаться и на видении проблемы экономического суверенитета.

Особенно заметно это становится, когда от ограниченности благ мы переходим к максимизационному поведению субъектов, будь то гипотетическая максимизация полезности потребителями или максимизация прибыли производителями. По сути дела, и то, и другое представляет собой теоретическое моделирование реального поведения, а не отражение свойства самого поведения.

Как модели спроса и предложения вводного уровня ("крест Маршалла"), так и модели поведения промежуточного уровня, основанные на кривых безразличия, явно или неявно опираются на предпосылку наличия стандартного интервала времени, в течение которого и происходят все события, демонстрируемые на графиках. Тем самым предполагается, что агент, ведущий себя рационально в течение одного интервала времени, не принимает во внимание последствия своих текущих решений в будущем, которое начинается сразу же после окончания этого интервала. В жизни, конечно, не так. Только очень нерациональный субъект не стремится принять во внимание сколько-нибудь отдаленные последствия своих решений.

Конечно, уже на промежуточном уровне существуют модели межвременного выбора, однако и в них не принимаются во внимание свойства времени, о которых только что говорилось (объективная неограниченность и субъектная неопределенность).

Особенно важен учет этих свойств при разговоре об экономическом суверенитете. Ведь если среди последствий решений, принимаемых суверенным, самостоятельным агентом, окажется потеря им суверенитета в обозримом будущем (такое бывает), то вряд ли такое решение можно назвать рациональным.

Видимо, можно сказать, что элементы максимизации, которые часто действительно присутствуют в поведении реальных агентов, представляют собой отражение неопределенности будущего в ситуации принятия решения. Например, если продавец уверен, что от того, как он себя поведет с определенным покупателем, никак не зависят его контакты с покупателями в будущем, то он вполне может стремиться получить как можно больше, "по максимуму". В другой ситуации может оказаться более рациональным поведение, способствующее закреплению контактов с данным покупателем.

Вроде бы очевидный факт учета экономическими агентами того, как их поступки выглядят в глазах окружающих, не отражается в обычных моделях поведения, использующих математическую идею максимизации целевой функции при наличии ограничений. Это не значит, что формализация рефлексивных структур вообще невозможна. В частности, интересный подход к такой формализации разработан В.Лефевром (дать ссылки на англоязычные издания).

Однако в целом рефлексивные структуры – это пока что сфера не естественнонаучного знания, а гуманитарных подходов: этики, философии, наконец, религии. К ним нам и придется обращаться в дальнейшем для более полного раскрытия проблемы экономического суверенитета – если экономика как наука занимается поведением именно человека, а не животного, то проблема самосознания рано или поздно встанет обязательно. Без этого разговор о свободе, даже хозяйственной, невозможен. А самосознание, самоидентификация до сих пор не обходилась без более или менее развитых мифологических систем, то есть систем, выходящих за рамки эмпирически наблюдаемых внешних событий, объектов.

Определения

Для того, чтобы дальнейший разговор был предельно конкретным, нам придется начать с комментариев к некоторым определениям. В них курсивом выделены термины, определения которых можно встретить в других определениях. Сами определения "привязаны" к цели данной работы и потому могут несколько отличаться от встречающихся в

других публикациях.

Определение 1. Экономика – обмен веществ между природой и обществом (человеческим родом), опосредуемый сознательной деятельностью индивидов и человеческих общностей.

Комментарий 1. Как это ни странно, основное течение в экономической теории обходится вообще без определения экономики как определенной сферы деятельности людей, как чего-то реального. Его заменяет представление об ограниченности любых благ, которая встречается не только в экономической жизни, но и во многих других сферах человеческой активности.

Живая природа, преемственность и причастность к которой фиксируется в этом определении, имеет две больших составляющих: мир растений и мир животных. Их особенности проявляются и в экономической жизни, что в дальнейшем будет отмечаться специально.

Здесь определение экономики дано в классической родовидовой форме. Родовой признак – обмен веществ (метаболизм), являющийся общим для всего живого циклическим процессом, в который входит пара противоположно направленных линейных составляющих, фрагментов – извлечение полезных веществ из среды обитания, их присвоение, и выделение отходов (ассимиляция и диссимиляция) на уровне индивидов, – и подчеркивающий причастность человека к биологической форме предметности. Видовой признак – сознательная деятельность индивидов (всегда) и общностей (если таковая – деятельность – имеется). При этом из рассмотрения, естественно, выпадают все процессы обмена веществ, осуществляемые без осознания целей и результатов соответствующих процессов. Это относится как к присвоению предметов природы (например, кислорода при дыхании), так и к их выделению вовне.

Обычно в определениях экономики как сферы деятельности людей упор делается на одной стороне обмена веществ – присвоении предметов природы. В этом случае больше внимания уделяется реально существующей преемственности человека по отношению к животным, внимание и активность которых естественно концентрируется на присвоении средств своего собственного выживания, без особого внимания к производству отходов. Такая преемственность наиболее ярко выражена в кочевничестве, о котором речь пойдет ниже. В более общем случае сознательной деятельностью охватываются и некоторые процессы выделения предметов во внешнюю природу, а также управляемые циклы обмена веществ между природой и обществом. Такие циклы, связанные с растениеводством, существуют даже при простейших формах оседлости, о которой также речь пойдет ниже. При современном уровне развития техники учет экологических последствий любых хозяйственных решений становится необходимым элементом экономической культуры, проявлением рациональности агентов, заботы о сохранении собственного суверенитета, в конце концов.

Определение 2. Кочевничество – форма хозяйствования (общности), ориентированная на одностороннее присвоение предметов потребления без локализованных затрат на их воспроизводство.

Определение 3. Оседлость – форма хозяйствования (общности), ориентированная на присвоение предметов потребления, опосредованное локализованными затратами, нацеленными на их воспроизводство.

Определение 4. Общность – совокупность индивидов (например, семья, община, народ, страна, человеческий род), объединенная в процессе воспроизводства жизни прямыми или косвенными связями, в которую наряду с хозяйствующими

субъектами входят уже или еще не хозяйствующие индивиды, включая уже или еще не существующие.

Определение 5. Воспроизводство (материальное) – повторяющаяся последовательность процессов производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, необходимых для продолжения жизни человеческой общности.

Комментарий 2. Общность здесь представляет нечто большее, чем просто коллектив людей, занятых в одном процессе производства и/или потребления благ, или множество партнеров по хозяйственным связям (например, при обмене или аренде). В нее входят также и не хозяйствующие индивиды – прежде всего дети и старики. Это понятно и вряд ли требует комментариев. Сложнее обстоит дело с уже и еще не существующими индивидами.

Уже не существующие индивиды – это наши предки, близкие и дальние. Они входят в общность в той мере, в какой решения реально существующих индивидов определяются фактом их, предков, существования в прошлом. Наиболее полно это влияние предков проявляется через мировоззренческие системы, посредством которых осознается причастность индивида к некоей общности, и через технику мышления (ментальность).

Еще не существующие индивиды – это будущие поколения людей, существование которых во многом определяется теми решениями, которые принимаются реально действующими индивидами. Им, будущим поколениям, придется присваивать результаты не их хозяйствования. В зависимости от мировоззренческих систем и техники мышления это налагает те или иные ограничения на принимаемые хозяйственные решения.

Комментарий 3. Определение воспроизводства здесь близко к традиционному в экономической теории, опирающейся на континентальную философскую традицию, некоторое представление о которой можно получить, например, по работам К. Маркса. Чуть подробнее о континентальной и об островной традиции в философии будет сказано в одной из рамок третьего параграфа. Перечисленные в определении процессы (от производства до потребления) сами по себе описывают только одну линейную часть цикла обмена веществ между природой и обществом – присвоение. Однако ключевым здесь является свойство повторяемости, которое и подразумевает в имплицитной (неявной) форме существование именно обмена веществ, без которого по сути невозможно и повторение процессов присвоения однажды потребленных (то есть уничтоженных) предметов.

Для продолжения жизни человеческого рода необходимо также демографическое воспроизводство, в котором обязательно участвуют несколько общностей минимального уровня (например, родовых общин, семей).

Определение 6. Хозяйствование – внесение изменений в жизнь внешних предметов, осуществляемое в процессе производства и направленное на их *присвоение*.

Комментарий 4. Хозяйствование – это, прежде всего, принятие решений, индивидуальное или групповое, и лишь во вторую очередь их выполнение, поскольку выполнять команды могут и животное, и искусственное устройство, а отвечать за принятые решения и последствия их реализации может только человек. В формировании хозяйственных решений и контроле за их выполнением человек проявляет себя как общественная производительная сила, а в их простом выполнении – как естественная производительная сила, ничем, по сути, не отличаясь от остальных сил природы.

В экономической науке понятие силы, как и многие другие, заимствовано из физики, где оно характеризует взаимодействия различных тел, предметов. В экономике используется тот аспект понятия силы, который касается связей изменений предметов. В зависимости от источника изменений можно различать общественные силы, основанные на решениях субъектов, и естественные силы, основанные на свойствах материальных тел. В зависимости

от характера изменений, принимаемых во внимание при изучении, можно выделять производительные и потребительные силы. Модельным представлением производительных сил является производственная функция.

Комментарий 5. Присвоение совпадает с хозяйствованием, пока и то, и другое рассматривается как отдельно взятый линейный процесс принятия и выполнения конкретного решения, в котором участвуют одни и те же субъекты. В этом случае хозяйствование и присвоение, также как и пара "производство-потребление", суть один и тот же процесс. Однако когда мы переходим к рассмотрению результатов этого процесса, то ситуация становится иной. Внешние предметы, вновь возникшие или претерпевшие изменения в ходе хозяйствования, начинают свою собственную жизнь, в которой они могут быть присвоенными самими разными агентами. Многие результаты могут присваиваться (точнее, потребляться) только один раз. Например, продукты питания. Но бывают и такие результаты процесса хозяйствования, которые могут присваиваться затем многими поколениями людей. Это относится и к позитивным, и к негативным результатам. В качестве примера позитивных долгосрочных результатов можно привести научные открытия. В качестве негативных – неблагоприятные изменения в природе, например, исчезновение Аральского моря как следствие развития орошаемого земледелия в верхнем течении Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, или заражение различных территорий радиоактивными отходами.

Определение 7. Присвоение – подчинение жизни внешних предметов (благ) в процессе потребления интересам существования субъектов присвоения.

Сравнивая пары "производство–потребление" и "хозяйствование–присвоение", можно сказать, что в первом случае в центре внимания – внешние объекты, вещи, которые под воздействием экономических агентов, субъектов, претерпевают изменения, среди которых особо выделяются и подчеркиваются появление (производство) благ и их исчезновение (потребление). Во втором случае в центре внимания оказываются субъекты, направленность их активности на внешние предметы (хозяйствование) и на себя или на других субъектов (присвоение), а также степень реализации их интересов, прежде всего интереса продолжения существования.

В дальнейшем мы будем часто обращаться ко второй паре, поскольку каждый из её элементов – хозяйствование и присвоение – имеет прямое отношение к экономическому суверенитету, но к разным его сторонам – свободе действий и обеспеченности существования.

Приведенные выше определения и комментарии показывают, что человек (субъект) в экономике предстает сразу в нескольких ипостасях: и как индивид, хозяйствующий самостоятельно, и как множества людей, принимающих совместные хозяйственные решения (то есть включенных в "горизонтальные", пространственные связи), и как множества людей, рано или поздно участвующих в присвоении результатов хозяйствования (то есть включенные в "вертикальные", временные связи).

Тем самым мы дистанцируемся от весьма распространенной в теории позиции методологического индивидуализма, согласно которой только отдельные индивиды и есть та эмпирически наблюдаемая реальность, с которой может иметь дело теория. Всё остальное – фирмы, государство и т.д. – это только что-то вторичное, производное от совместных решений отдельно взятых людей. Согласно этой позиции первичным экономическим суверенитетом обладают именно индивиды.

Очевидная слабость такой позиции как раз по вопросу экономического суверенитета связана с тем, что индивиды в гораздо меньшей степени, чем, например, предприятия, могут влиять на свою судьбу, обладать реальным суверенитетом. По естественным причинам они исчезают независимо от качества своих решений о том, как жить дальше. По сути дела только

для системы "общность–индивиды" и можно говорить о первичном суверенитете.

Заканчивая рассмотрение некоторых исходных определений, отметим два обстоятельства, которые экономическим агентам не всегда легко увязать при принятии очередных решений: повторяемость хозяйственных ситуаций как следствие исчезновения однократно потребляемых благ (отсюда и необходимость воспроизводства) и неповторимость тех же самых хозяйственных ситуаций как следствие накопления необратимых результатов деятельности. В свою очередь, повторяемость представляет собой основу применения естественнонаучных методов исследования, что прежде всего и отличает основное течение в экономической теории, а уникальность, неповторимость – исторических методов, которые представляют собой необходимое дополнение естественнонаучных методов для лучшего понимания экономических реалий.

Картины экономической реальности

В отличие от физики и других естественных наук, различающихся прежде всего методами изучения одной и той же реальности вне человека, экономика имеет дело с человеком, причем занятым вполне определенным делом. В зависимости от того, что именно в этом деле становится предметом более пристального рассмотрения, могут формироваться различные картины одной и той же экономической реальности. В этом смысле возможно существование разных экономических наук наподобие разных наук (физики, химии и т.д.) об одной и той же природе.

Первой научной картиной экономической реальности стала классическая картина, появившаяся еще в XVIII в. и связанная прежде всего с именами Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо. В ней основное внимание уделяется внешним предметам – экономическим благам, образующим рукотворное или естественное богатство той или иной нации. Отсюда и внимание к движению этих предметов в ходе экономической деятельности людей, как физическому – их появлению (производству), исчезновению (потреблению), так и социальному – смене собственников (распределение и обмен). При этом другие аспекты экономики как реальности, и прежде всего люди, остаются как бы "за кадром".

Естественная реакция на этот изъян – появление в XIX в. иной картины экономической реальности, в которой на первый план вышла определенная человеческая общность – народ как целостный субъект, осуществляющий экономическую деятельность в формах, присущих именно ему и являющихся результатом длительного исторического развития этого народа. Наиболее полно эта картина разрабатывалась немецкими учеными в рамках исторической школы, своеобразного антипода классической школы в понимании и экономической реальности, и научного знания о ней. В XX в. традиции этой школы были развиты институционализмом, который основное внимание уделял не субъектам экономической жизни, а отдельным формам ее организации, институтам. Однако и в этих картинах экономической реальности не находилось места собственно человеку, индивиду – лицу, принимающему решения.

Этот недостаток был вроде бы устранен в конце XIX в. в ходе "маржиналистской революции", сконцентрировавшей внимание на принятии хозяйственных решений при предположении, что решения эти рациональны. Рациональность при этом была определена как способность субъекта сделать наилучший выбор. Причем если речь идет о выборе потребительских благ, то критерии выбора остаются ненаблюдаемыми и не подлежащими научному обсуждению.

Итак, "мир богатства", "мир хозяйственной культуры" и "мир хозяйствующего субъекта" – таковы основные научные картины экономической реальности на сегодняшний день (*Ананьин*). Эти картины продолжают видоизменяться, совершенствоваться. Можно даже сказать, что намечается сближение второй и третьей картин, как органично дополняющих

друг друга. Далее в качестве основного объекта будет рассматриваться "мир хозяйственной культуры". При этом наибольшее внимание будет уделено экономическому суверенитету различных общностей, технике мышления и мировоззренческим системам.

Суверенитет как экономико-философская категория

В рыночной экономике агенты суверенны примерно так же, как животные - их нельзя заставить что-либо сделать, если они не хотят, не видят положительной причинно-следственной связи между своими усилиями, затратами, и удовлетворением нужд, результатами. Однако одно из основных свойств человека, привлекающее пристальное внимание философов, – это способность существовать, мыслить и действовать самостоятельно, творить нечто новое, не запрограммированное механизмом причинно-следственных связей, в том числе творить, изменять и себя, своё отношение к жизни.

Определение 8. Суверенитет экономический – степень автономности воспроизводства субъекта (индивида, общности), определяемая границами свободы принятия хозяйственных решений и присвоения результатов их реализации.

Лишь при самом поверхностном взгляде может показаться, что суверенитет в экономике означает просто свободу принятия решений экономическими агентами (то есть свободу хозяйствования), каждый из которых ценит свободу как средство повышения своего благосостояния.

Действительно ли свободен тот, кто интересуется не столько тем, как жить лучше (что бы это ни значило), сколько тем, как выжить? Нищета и свобода редко мирно уживаются, когда встречаются в жизни одного человека. Тем более, если рядом живут вроде бы такие же, как он, но гораздо более обеспеченные существа. Поэтому ещё одним, столь же важным, как и свобода, условием суверенитета в экономике является обеспеченность существования.

Именно поэтому суверенитет экономических агентов и включает две стороны – возможность свободно принимать хозяйственные решения и возможность влияния на продолжение собственного существования. Поскольку результаты хозяйствования – внешние предметы – могут жить собственной жизнью независимо от жизни их создателей, переходить из одних рук в другие, пока не будут окончательно потреблены, постольку даже полная свобода хозяйствования не гарантирует хотя бы простого выживания соответствующего субъекта. И наоборот – при почти полном отсутствии такой свободы, то есть привязанности к производству на одном месте одного блага (например, пшеницы), возможность держать судьбу в своих собственных руках может быть весьма велика.

Обеспечение существования (хотя бы на уровне выживания) требует частичного перераспределения доходов (принудительного, несвободного!), в том числе и полученных как результат свободного хозяйствования, что, в свою очередь, может в той или иной степени обесценить эту свободу, уменьшить стимулы к её активному использованию. Научного решения проблемы перераспределения доходов нет. Поиск наилучшего сочетания свободы хозяйствования и обеспеченности существования – постоянное занятие политиков и экономистов в любом обществе. Поэтому и вопрос о суверенитете в экономике имеет две стороны и представляет собой дилемму свободы хозяйствования и обеспеченности существования.

Поскольку мы говорим здесь о суверенитете как об экономико-философской категории, необходимо зафиксировать два момента: во-первых, суверенитет можно рассматривать только применительно к определенным субъектам, которых надо уметь выявлять, наблюдать. Это не всегда бывает просто. Достаточно упомянуть о теневой экономике, в которой действуют не только "чистые тенивики", но и "видимые агенты", когда они занимаются "невидимой", ненаблюдаемой деятельностью, уклоняясь тем самым от

налогов или претендуя на помощь, субсидии.

Во-вторых, надо стараться понимать, как эти субъекты осознают самих себя. Ведь лицо, принимающее решение, всегда раздваивается на "себя нынешнего", действующего, хозяйствующего (здесь и сейчас), и "себя будущего", участвующего (потом) наряду с другими субъектами в присвоении результатов хозяйствования.

Кроме того, принятие решения – это интеллектуальная деятельность, осуществляемая определенным образом, по некоторой технологии. Причем в разных общностях эта технология может быть различной, поскольку опыт показывает, что умение мыслить не есть некая "данность". Это умение развивается больше всего как раз в процессе практической деятельности, в том числе и хозяйственной. Англичане это называют: "Learning by doing". Техника мышления – это традиционный предмет интереса философов. Известны два очень разных типа технологии хозяйствования: кочевничество и оседлость. Именно их и соответствующую каждому из них технику мышления мы и будем в дальнейшем сравнивать, учитывая также исторические связи и преемственность этих типов хозяйствования.

Определение 9. Техника мышления – совокупность мыслительных операций, применяемая субъектом при анализе ситуации и принятии решений о своих действиях, в том числе при *хозяйствовании*.

Наряду с выработкой и принятием хозяйственных решений (с применением той или иной техники мышления) должна осуществляться оценка возможных результатов. А это уже сфера действия мировоззренческих систем, которые также входят в круг предметов, которыми занимаются философы.

Определение 10. Мировоззренческая система – совокупность представлений субъекта о себе, человеческих *общностях* и окружающем мире, помогающая ему оценивать возможные последствия при принятии решений, в том числе в процессе *хозяйствования*.

Кочевой и оседлый образы жизни сосуществуют (мирно и не очень мирно) с незапамятных времен. Происхождение человека как вида из мира животных задает кочевой образ жизни как исторически первый, а оседлый – как производный от него, что видно даже по самому слову "оседлость". Седло – это прежде всего важный предмет кочевого быта.

Переход к оседлости как бы консервирует мировоззренческую систему, в которой люди себя осознают. Дальнейшие изменения этой системы, как правило, происходят очень медленно и редко затрагивают её самые фундаментальные части. В связи с этим предметом нашего рассмотрения здесь будут изменения мировоззренческих систем и техник мышления, связанные с различными вариантами перехода от кочевой жизни к оседлой. Из почти бесконечного разнообразия таких переходов, имевших место в экономической истории мира, для более тщательного рассмотрения по понятным причинам выбраны только три, которые с определенной степенью условности можно назвать восточным, западным и российским.

Свобода, в том числе и свобода хозяйствования, – это естественная черта именно кочевой жизни. Что же заставляло людей отказываться от свободной кочевой жизни и "зарываться" в землю? Необеспеченность существования, без которой и свобода не имеет экономической значимости. Причем, главным источником проблем становились творения рук человеческих – более совершенные орудия труда, а не природные явления. Например, засухи или морозы заставляли людей уходить из одних мест (вспомним из курса истории "Великие переселения народов"), но не вели к их оседанию в других местах.

Традиционная обувь монгольских кочевников с загнутыми вверх носками символизирует недопустимость нарушения поверхности земли, покрытой кормом для скота.

Первый известный в истории человечества экологический кризис (точнее, серия экологических кризисов) связан с освоением все более долговечных и совершенных орудий труда, сначала каменных (неолитическая технологическая революция – здесь и далее особыми шрифтами выделяются первые упоминания в тексте понятий, сведенных в общую схему в конце работы), а затем и металлических. Связанный с этим рост производительной силы каждой отдельной родовой общины вел к росту общей потребительной силы человеческой популяции (прежде всего через увеличение её численности) и к нарушению экологического баланса в связке "хищник-жертва", хорошо известной из биологии. В конце концов орудия оказывались пригодными для использования по новому назначению – не только для охоты на животных, но и для обработки земли, причем сначала той, что полегче и получше, как и предполагает теория рационального использования ограниченных ресурсов, – в поймах и дельтах рек. Тем самым на коллективном (точнее, групповом) уровне осуществлялся обмен свободы перемещения на гарантии существования.

Разумеется, обмен свободы перемещения на гарантии существования – не единовременное событие, перевернувшее жизнь всех людей сразу. Можно сказать, что этот обмен и сейчас не окончен, поскольку ещё сохранились (в том числе и на территории нашей страны) общины, ведущие кочевой образ жизни. Более того, происходил и обмен в противоположном направлении – от оседлого образа жизни к кочевому. Например, первых животных приручали, одомашнивали охотники, хорошо знакомые с повадками животных. Наличие домашнего скота привязывало людей к земле, её плодам, которыми этот скот кормился. Нехватка кормов часто вела к обособлению скотоводства от земледелия с соответствующим обособлением жизни разных человеческих общностей. Поэтому можно говорить о первичном кочевничестве (охотничьем и рыболовецком, давшем потом начало водному кочевничеству, о котором тоже не стоит забывать), и вторичном кочевничестве (скотоводческом), первичной и вторичной оседлости. По сути дела, вся или почти вся история экономической жизни человечества – это история взаимодействия кочевых и оседлых народов.

Переход к оседлому образу жизни значительно ослабил напряжение в связке "хищник-жертва", причем не только (и даже не столько) за счет повышения производительности труда, сколько за счет перенесения конкуренции производительных и потребительных сил из системы "общество – природа" внутрь общества. Происходило это просто потому, что основные источники существования теперь не поступали извне, а производились в обществе с использованием ограниченного (и во многом уже рукотворного) блага – пригодной для обработки земли. Земля (недвижимость по определению) и становилась в конце концов той хозяйственной ценностью, вокруг которой строились экономические отношения людей в течение многих веков и на Востоке, и на Западе, да и в России, где земельный вопрос все ещё не получил окончательного решения. Но исходной хозяйственной ценностью при переходе к оседлости была все-таки не земля, а вода.

1. Восточный суверенитет: коллективная обеспеченность существования

Языческая оседлость

Потому-то и называют древнейшие цивилизации Востока речными цивилизациями, что главное в их жизни не земля, а вода, причем не падающая с неба, то есть для всех примерно одинаково, "демократично", а текущая с гор, и потому распределенная заведомо не одинаково ни по количеству, ни по качеству (чем ниже по течению, тем, как правило, хуже) и поддающаяся перераспределению. Связанное с использованием воды широкомасштабное ирригационное строительство требовало координации усилий большого количества людей со стороны надобщинного центра – государства.

Определение 11. Государство – политический институт, обеспечивающий

(гарантирующий) общие условия воспроизводства жизни человеческих общностей на определенной территории.

Среди функций государства, имеющих прямое отношение к экономической жизни, особо можно выделить хозяйственную, посредническую и защитную, любая из которых при определенном стечении обстоятельств может стать доминирующей.

Переход к оседлой жизни вел к смене **родовой общины** соседской с обособлением в ней **семьи** как первичной хозяйственно-демографической общности и образованием государства как надобщинной структуры. При этом часть воспроизводственных функций родовой общины перешла к соседской, часть ушла вниз, в семью, а часть наверх, к государству или даже дальше, к вне- или надгосударственному образованию (например, религиозному центру). Но и сама соседская община вобрала в себя часть связей, которые ранее существовали только на межобщинном уровне. Речь идет об обмене генетическим материалом в ходе демографического воспроизводства.

Определение 12. Община – человеческая общность, включающая обозримое для индивида количество членов и осуществляющая определенные воспроизводственные функции. Основные разновидности – родовая кочевая община, состоящая из родственников, хозяйствующая как единый субъект и демографически связанная с другими, и соседская община, состоящая из *семей*, ведущих относительно автономное хозяйство.

Определение 13. Семья – минимальная родственная общность, обеспечивающая демографическое воспроизводство жизни общества и осуществляющая в большей или меньшей степени связанные с этим хозяйственные функции. Основные разновидности – большая (трех-, четырехпоколенная) традиционная семья, малая (одно-, двухпоколенная) современная (городская) семья.

В большой семье сохраняется основной принцип разделения труда между членами общности, сформировавшийся ранее в родовой общине: "функция под человека". В соответствии с этим принципом личные качества (прежде всего различия людей по полу и возрасту) определяют конкретное место приложения сил в хозяйственном организме.

Рассмотрим теперь особенности саморефлексии при разных образах жизни (кочевом и оседлом) и переходах от одних форм саморефлексии к другим, то есть изменения в сфере мировоззренческих систем. Именно они и задали разные пути развития того, что в течение нескольких тысячелетий различалось как "Запад" и "Восток".

Исходной формой саморефлексии был тотем. Как правило, им было животное, с которым родовая община себя отождествляла. Например, "Чингачгук – Большой Змей" – это, строго говоря, имя тотема рода, а не личное имя. Это животное было священным, его нельзя было трогать, а тем более убивать и употреблять в пищу за исключением особых дней, когда вкушение его плоти было обязательным ритуалом, символизировавшим причастность индивидов к своей общности (то есть роду как совокупности всех поколений, включая уже и ещё не существующие), в чем нетрудно увидеть нечто родственное причастию у христиан. Прикладной смысл тотема, если так можно выразиться, состоял в том, что нельзя было дотрагиваться до своих сородичей ("не убий", "не прелюбодействуй"), поскольку они и тотем – одно и то же ("мы"). Остальные ("они") – не тотем и с ними можно делать все, что угодно (или все, что так или иначе полезно для "нас"). Принципы поведения типа "кто не с нами, тот против нас", "если враг не сдаётся, его уничтожают" – появились примерно тогда же и отражали крайне низкую степень обеспеченности существования (в прямом смысле – "быть или не быть") при большой свободе (точнее сказать, произволе) принятия решений. В экономической жизни эти фундаментальные, "общечеловеческие" (а на самом деле

дочеловеческие, биологические) принципы сохранились до наших дней.

В английском языке тоже есть разница между "свободным" (free) и произвольным (arbitrary) поведением. При моделировании поведения рыночных агентов в условиях неопределенности применяется именно термин arbitrary (см., например: *Fisher*).

"На японских корпорациях разжигание враждебности к конкурентам в целях воспитания преданности своей фирме является общепринятой практикой" (*Окумура*,).

Культ предков – это, по сути дела, часть тотемической формы самосознания, связанная с единством разных поколений людей, и очищенная от символической связи с представителями животного мира. Таким образом, можно заметить явную преемственность саморефлексии древнейших оседлых народов по отношению к своим кочевым предкам. Но одновременно можно отметить и отказ от кочевой техники мышления как по-своему цельной системы принятия решений.

Отголоски тотемической формы самосознания широко распространены на Востоке. Одним из наиболее известных следов тотема является восточный (китайский) календарь, в котором каждый год ассоциируется с каким-либо животным (например, "черная свинья", "красная обезьяна"), образуя систему из пяти 12-летних циклов. Примеривая на себя этот календарь, мы как бы влезаем в шкуры наших далеких первобытных предков, которые только так и могли осознать себя как людей, как сознательных членов некоей общности. Сакрализация по признаку крови в иудаизме – это, по-видимому, тоже реликт тотемической саморефлексии кочевников.

Попробуем сравнить коротко техники мышления, характерные для кочевого и оседлого образов жизни. Нетрудно заметить, что в первом случае ум должен быть живой, хотя бы и поверхностный, а во втором – основательный, хотя бы и медлительный. Действительно, кочевая жизнь динамична, решения надо принимать быстро, "не долго думая" (попользовались, а там – "хоть трава не расти"). Если решение оказалось неправильным, всегда можно найти выход в буквальном смысле – "взяв ноги в руки", уйдя в другое место. При оседлой жизни уходить некуда, а потому решения надо принимать с "оглядкой" на далекое будущее, "семь раз отмерив", принимая во внимание экологические последствия своих действий.

Любая производящая экономика, в отличие от присваивающей, является относительно самодостаточной, содержащей циклы процессов "производства-потребления". Поэтому ещё одно крупное различие рассматриваемых техник мышления выражается в преимущественном внимании к линейным или циклическим связям.

Далее, возможность произвольного перемещения при кочевой жизни способствует фрагментарности мышления, его ориентированности на события, их причинно-следственные связи, а не на вещи и их свойства – явные и скрытые, которые больше интересуют оседлых жителей, связанных с некоторым довольно стабильным набором вещей. Их жизнь в большей степени автономна, самодостаточна, чем жизнь кочевников, поскольку связь между хозяйствованием и присвоением более устойчива и определена во времени. Они не тратят много времени на дорогу. У них есть досуг и есть о чем подумать на досуге. Они создают цивилизацию.

На взгляд кочевника оседлые жители, скорее всего, туповаты и жирноваты, а потому их можно и нужно "стричь", благо орудия охоты (лук, копьё и т.д.) легко использовать и "по второму назначению". На взгляд оседлого жителя, кочевники – это варвары, животные, дикие звери, стихийное бедствие, от которого лучше всего постараться отгородиться (например, Великой китайской стеной). Все это (и многое другое) позволяет говорить об отказе от кочевнической техники мышления при переходе к оседлой жизни на Востоке при создании

великих речных цивилизаций.

Некорректность использования в нашей публицистике (ещё с XIX века) термина "азиатский" как синонима варварства, отсталости отметил сравнительно недавно *Кара-Мурза*. По сути дела под "азиатчиной" обычно понимается влияние не азиатских цивилизаций (его-то как раз и было), а кочевничества, которое отнюдь не является восточным феноменом. В этой работе приведено высказывание Н.Г.Чернышевского, в котором её автором выделена такая фраза: "Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый".

Государство-хозяин

Сохранив в сильно трансформированном виде мировоззренческие системы кочевых предков, потомки отказались от кочевнической техники мышления, "способа производства решений", в том числе хозяйственных.

"Формы и содержание производства объясняют очень многое в характере японцев. Главная сельскохозяйственная культура – рис... Известно, что производство риса очень трудоёмко и требует слаженной, синхронной работы десятков, сотен людей. Монотонный массовый труд на заливных поймах выработал общую потребность в усреднённости. Любая самодеятельность или, например, попытка одного работника ускорить свою работу были не только бессмысленны, но и могли нарушить слаженность всего производственного процесса" (*Виленский*).

"Водное" единство как основа культуры – это не только далекое прошлое, но и вполне живая современность, например, в Японии. Отметим прежде всего коллективизм, развитую иерархичность, имеющую базу в экономической жизни (прежде всего – в водном хозяйстве). Индивид здесь – часть общности, на несколько порядков меньшая, чем в кочевой общине, и по количеству уровней иерархии в новой, оседлой, общности (не меньше четырех: индивид, семья (+предки), соседская община, хозяйствующее государство), и по количеству людей (вместо максимум 40-50 человек в родовой общине – десятки, если не сотни тысяч).

"Как и все древнеегипетское население, работники царского некрополя были разбиты на возрастные классы и профессиональные категории. Каждая группа должностных лиц получала наряд на выполнение определенной работы в соответствии с общим планом. Существовали декадные и месячные нормы. Десятидневные нормы устанавливались, в частности, для горшечников, дровосеков, прачечников и т. д. ; месячные – для садовников, рыбаков и др. Важную роль в организации труда непосредственных производителей материальных благ играли государственные чиновники – писцы царского некрополя. Они направляли на работу людей, устанавливали нормы труда, проверяли их выполнение, выдавали зерновой паек и другие продукты питания" (*Нуреев Р.*)

В родовой общине индивид довольно легко может сам осмыслить собственное место "в общем строю". В государстве как системе соседских общин сделать это уже просто невозможно. Исходная тотемическая форма саморефлексии трансформируется в различные опосредованные идеологические формы, общие контуры которых похожи на хозяйственные иерархии. Здесь, в восточном государстве, ещё сохраняется аналог исходного подчиненного по отношению к общности положения индивида. Но первые орудия труда были ручными, они представляли собой перенос на внешние тела (будь то топор, нож или что-либо другое) некоторых свойств именно индивидов как тел, как носителей естественных производительных сил. Этот перенос, овнешнение естественных производительных сил индивидов представляет собой объективную основу повышения экономической роли самих индивидов. Ведь именно они продолжают принимать непосредственные решения по созданию и применению таких орудий труда, производству материальных благ.

Труд (индивидов) как непосредственная причина появления мира искусственных предметов наряду с миром естественных предметов стал настолько важным явлением в

речных цивилизациях (этого не было в кочевых общинах), что именно с ним (а не с Небом, до этого миропонимания ещё далеко) часто связывалось *сверхъестественное* начало.

"... на Западе существует противопоставление – вертикальное – Сверхприродного и природы На Востоке существует горизонтальное противопоставление природы "тянь" и сделанного человеком, технического" (*Имамичи, 78*).

Таким образом, можно зафиксировать некоторое нарушение исходного равновесия в системе "индивид-общность". С одной стороны, индивид всё более растворяется в иерархии, по необходимости носящей статический характер (хотя бы в силу статичности ирригационных сооружений). С другой стороны, именно труд индивидов представляет собой *сверхъ-естественное* начало в жизни общества, привносит в неё элементы собственной динамики, не связанной непосредственно с динамикой естественных природных процессов. Особенно наглядно это проявляется в труде ремесленников, в гораздо большей мере свободных от текущих явлений природы, чем крестьяне. Даже в условиях доминирования традиций в любом ремесле можно было достигать индивидуального совершенства. Вспомним также о восточных единоборствах, в том числе и без применения каких-либо вспомогательных предметов. Ведь и в них индивид – это отнюдь не "винтик", а вполне самостоятельно мыслящее существо. А ведь есть ещё йога и другие системы, ориентированные именно на индивидуальное самосовершенствование, саморазвитие. Всё это тоже – "Восток", а не "Запад". Поэтому было бы очень большой ошибкой считать, что свободный индивид – это исключительно западное явление, продукт христианской цивилизации. Более того, само христианство – это вполне восточный продукт, если можно так выразиться.

Скорее всего, для лучшего понимания возникновения христианства на Ближнем Востоке надо было бы учесть взаимодействие уже оседлых народов и их ещё кочевых или полукочевых соседей. Во всяком случае, в Ветхом завете такое взаимодействие очень заметно. Да и сам избранный народ начинал как скотоводческий, немало побродил по Ближнему Востоку, вкусил и египетский плен, и скитания по пустыне.

Возможно, эти не отвергнутые впоследствии кочевнические истоки способствовали и принятию христианства завоевателями Рима, и его освоению мусульманством в племенах, ещё продолжавших кочевать.

Нетрудно заметить сходство хозяйственной и религиозной вертикалей и первую трактовать как прообраз второй. Хотя трудовое понимание *сверхъестественного*, о котором уже говорилось, само по себе горизонтально, иерархия труда, то есть принятие хозяйственных решений, проявление именно субъектной (а не объектной, естественной производительной силы), как бы сама по себе выстраивает вертикаль внутри горизонтали. При этом верхний уровень субъектности поднимается так высоко над индивидом, что может потеряться из вида, "уйти за облака", в небо, которое тем самым начинает превращаться в Небо (в Китае свою страну называют: "Поднебесная"). Однако сама по себе такая вертикаль вовсе не ведет к развитию личностного начала в системах миропонимания. Скорее, наоборот, в таких системах субъектность отрывается от индивидуальности, обезличивается. "Поголовное рабство", свойственное и первобытной, родовой общности, здесь только усиливается, и начинают проявляться его негативные стороны. В "вертикальности" здесь надо выделить другой аспект. Любая хозяйственная иерархия, помимо всего прочего, представляет собой перераспределительное устройство, разрушающее, хотя бы частично, прямую, локальную связь хозяйствования и присвоения.

Термин "поголовное рабство" означает не полное подчинение одних людей другим (в таком случае просто невозможно всеобщее, поголовное рабство), а саморефлексию каждого члена некоей

общности исключительно через идентификацию с нею, через понимание себя как "человеко-орудия" этой общности. Пока такая общность более-менее обозрима, этот способ саморефлексии не мешает индивидам самостоятельно принимать многие хозяйственные решения.

Хорошо это или плохо? Вроде бы, плохо. Ведь если материальное благополучие субъекта не зависит от его собственных стараний, то будет ли он стараться? Но, с другой стороны, наличие социальных гарантий, перераспределения, действительно освобождает субъектов – от заботы о себе, своем теле. Свобода действий не является здесь средством (что как раз роднит человека с миром животных) – выживания, повышения своего благосостояния. Она существует "по ту сторону" материального производства. Строго говоря, уже в первобытной общности уравнилельный принцип распределения представляет собой нечто вроде экрана, высвобождающего активность индивида от нацеленности на собственное тело, его нужды, даже если сама общность в целом при этом влачит существование на грани жизни и смерти.

Тем, кто жил "при социализме", известно, что "сверху" регламентировалось далеко не всё (это просто невозможно ни в хозяйственной сфере, ни в других). Правила игры "по вертикали", как бы они ни менялись, оставляли довольно много места для самой разнообразной активности. Ведь любая регламентация затрагивает лишь конечное число параметров, измерений, а реальная свобода – вне их, выводит за их пределы. Как говорится, отдай кесарю кесарево, имей за это кусок хлеба, и будь в остальном свободен, если сумеешь. Всё равно ведь свободу никто (из людей) никому не может дать или у кого-нибудь взять. Не такое это Благо.

Таким образом, хозяйственная иерархия оказывала двоякое воздействие на индивидов. В сфере собственно хозяйствования она действительно умахляла индивида, превращала его в частичное существо, ролевое, наподобие пчёл в улье или обитателей муравейников. Но в сфере присвоения она волей-неволей создавала условия, предпосылки для обращения активности индивидов на самих себя, на свои души, а не тела. Именно в своих душах "люди иерархии" искали себя, смысл своей жизни и находили Бога.

"Кузница мировоззрений"

Ещё одна очень важная тема должна быть затронута именно в этом месте – тема жизни и смерти в её экономическом измерении, если так можно выразиться. Как только мы начали разговор об экономическом суверенитете и связали этот суверенитет с обеспеченностью существования, мы фактически уже вошли в данное измерение, хотя в явном виде это не фиксировали. Говоря далее об обмене свободы перемещения на групповую обеспеченность существования, мы в центре внимания держали проблему жизни и смерти общностей (общин), но не индивидов. Для индивидов такой проблемы в экономическом измерении не существует – все люди физически смертны независимо от того, насколько эффективно они хозяйствуют.

Для кочевых общностей прекращение их собственного существования было вполне возможной перспективой, что беспокоило их гораздо больше, чем смерть любого индивида, если он не последний (здесь можно вспомнить "Последнего из могикан" Ф. Купера). Эффективность хозяйствования определялась, прежде всего, степенью выживаемости рода, тотема.

При оседлой жизни угроза исчезновения общности (теперь уже иерархической) не то, чтобы теряет актуальность, но её будущее в большей степени начинает зависеть от хозяйственных решений индивидов, от их мотивации. И здесь естественная смертность индивидов может стать экономической проблемой. Восточная культура в целом ориентирована на максимальный учет ныне живущими (хозяйствующими) субъектами интересов будущих поколений.

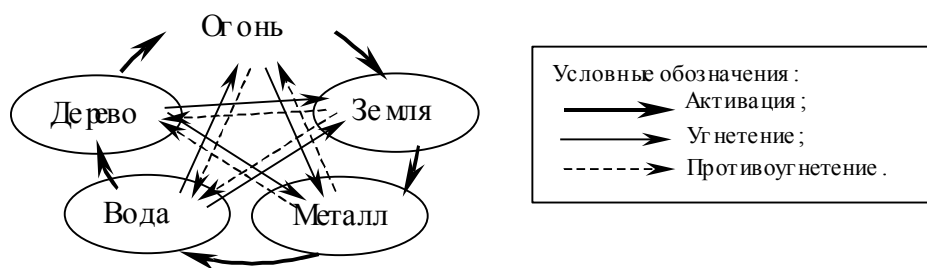
"Посади дерево" – это одновременно и конкретное хозяйственное распоряжение, и метафора, в которой дерево фигурирует как главная восточная ценность, воспроизводимая людьми. Обращенность хозяйствования к будущим поколениям прекрасно выражена и в русской "директиве": "Помирать собрался, а рожь сей".

Один из известных вариантов "идеологической" мотивации повышения ответственности индивидов за принимаемые решения – бесконечная повторяемость земных жизней индивида с наследованием бремени принимаемых решений (карма). Тем самым потенциальная бессмертность родовой общины, заставлявшая её принимать по возможности дальновидные решения, как бы переносится на индивида с той существенной разницей, что родовой общине угрожало реальное исчезновение навсегда, а индивид мог надеяться на исправление своих ошибок хотя бы в будущих жизнях. Это большой шаг вперед по пути освобождения решений индивида от привязки к текущим интересам локальных (в пространстве и времени) общностей.

В зависимости от степени интегрированности индивида в жизнь общности возможны разные формы их ориентации "на будущую жизнь" в системах миропонимания. В одних случаях (скажем, в Японии) достаточно фиксировать влияние на жизнь своих прямых потомков и их положение в обществе (например, в рамках правила "сын за отца отвечает"). В других случаях (например, в Индии) повышение хозяйственной роли индивида выражается во внимании к его судьбе после окончания земной жизни. Это тоже чисто экономический ход мысли – решения индивидом принимаются сейчас, чтобы продолжать жизнь (в том числе и свою) потом, после их выполнения.

Другой, более радикальный вариант, связан с признанием единственности земной жизни индивида и влиянии каждого принимаемого в ней решения, даже если само решение оказалось невыполненным по независящим от человека причинам, на его последующую вечную жизнь "по ту сторону" физической смерти. Таково, например, христианство. В соответствии с этим "вариантом" вся земная активность человека, в том числе и хозяйствование, имеет один критерий эффективности – способствует ли она принятию в Царство Небесное или ведет к падению в Бездну. Рай или Ад. Третьего не дано. Здесь повторяются исходный "набор" возможных исходов в экономической жизни – "быть или не быть" и неуместность приоритета количественных методов обоснования принимаемых решений.

Роль личности в своей собственной судьбе при этом оказывается решающей, но та земная общность (точнее, их совокупность), в которой личность решает свою судьбу, как бы отходит на второй план, оказывается чем-то вторичным, если не второстепенным ("Царство Моё не от мира сего"). Гарантии обеспечения земного существования, которые такая общность дает индивиду как бы в обмен на его участие в её жизни, оказываются гораздо менее значимыми, чем свободное следование воле Творца. Он, а не кто-то земной, может дать человеку "хлеб насущный на каждый день". Более того, преходящий характер имеет земная жизнь не только индивида, но и всего человеческого рода (точнее, вообще всего тварного), что вполне определенно зафиксировано в представлении о единственном Конце Света (мира). В этом тоже можно обнаружить близость христианства исходной системе взглядов, в которой не исключалась возможность исчезновения рода, и исходной же (кочевой) технике мышления благодаря преобладанию линейности (от Сотворения мира до его Конца) над цикличностью, столь распространённой на Востоке.

На приведенной схеме хорошо видна исходная цикличность восточной техники мышления, тесно связанная с базовой мифологической системой и применяемая, в частности, в китайской медицине (см., например: *Лувсан*). Здесь каждый внутренний орган относится к тому или другому первоэлементу, различные свойства которых ведут к активизации или угнетению деятельности органов, относимых к другим первоэлементам. Целостная система органов (организм) оказывается при этом не разложима на составляющие, способные существовать независимо друг от друга.

Такова вкратце история преобразований техники мышления и мировоззренческих систем в рамках восточной оседлости. Начавшись со *слома кочевой техники мышления (ментальности)*, она закончилась формированием систем понимания *Личности*, не вполне совместимых с жесткой хозяйственной иерархичностью и преодолевающих поголовное рабство в тварном мире. Заповедь "не сотвори кумира" прямо запрещает превыше всего ставить что-либо земное, тленное.

Однако христианство, будучи духовным продуктом Востока, так и осталось на его периферии. То, что способствовало формированию личностных мировоззренческих систем – разделение хозяйствования и присвоения (точнее, трансформация в противоречие исходного различия между преимущественно индивидуальным характером хозяйствования с применением ручных орудий труда и коллективным присвоением его результатов, существовавшего в кочевых общинах), обеспечение гарантий существования – мешало автономизации экономической жизни, "заземлению" свободы, её превращению из самостоятельной ценности в средство. Тем самым первый шаг вперед по сравнению с кочевым образом жизни в развитии экономического суверенитета, сделанный в древности на Востоке и заключающийся в обмене части свободы хозяйствования на повышение обеспеченности существования, оказался в некотором смысле последним. Следующий шаг вперед могли сделать общности, ещё не сделавшие тот же первый шаг.

2. Западный суверенитет: индивидуализация свободы хозяйствования

Придя на территорию Римской империи, к тому времени уже принявшей христианство, и осев на ней, кочевникам не пришлось мучительно преобразовывать свою мировоззренческую систему. Вместе с уже имевшейся здесь культурой оседлого хозяйствования они, особо не задумываясь, приняли и христианское понимание свободной личности, которое хорошо сочеталось с автономным хозяйствованием в рамках отдельно взятых семей.

О близости причастия одному из тотемических обрядов уже упоминалось. Можно также добавить, что смена священного существа на уровне отдельных индивидов была вполне обычным явлением, например, при обмене родовых общин генетическим материалом. Это также облегчало восприятие христианства недавними кочевниками.

Технологической основой их автономии, наряду с независимостью от "центра" в получении воды на орошение, был цикл "органические удобрения (отходы животноводства) – продукция растениеводства" (если коротко, цикл "навоз–зерно"). При это кочевническая

техника мышления не отбрасывалась, а так или иначе преобразовывалась. Например, из-за того, что у англичан право наследования земли имел только старший сын, остальным надо было искать другой жизненный путь, другую землю. Крестовые походы – это тоже форма проявления пережитков кочевнического умонастроения вроде бы оседлых новых европейских народов. Кроме того, на севере Европы морские кочевники (норманны, викинги, варяги) ещё долго не могли успокоиться и на протяжении нескольких веков держали в напряжении всех южных соседей, включая жителей Средиземного моря. А потом этот же шаблон кочевнического умонастроения вкупе с тягой к восточным атрибутам обеспеченной, "красивой" жизни (пряности, чай, шелка и т.д.) способствовал Великим географическим открытиям в поисках приемлемой альтернативы Великому шелковому пути, колонизации Америк, других континентов. Более того, по вполне понятным причинам рыночное умонастроение (взять, например, западного коммивояжера или нашего "челнока") во многом воспроизводит именно кочевническое.

На Востоке "централизованным" источником удобрений был ил, приносимый с водой, а отходы животноводства использовались главным образом как бытовое топливо. Таким образом, и на Востоке, и на Западе исходно имелась энергетическая автономия. Начиная с эпохи индустриализации энергетическая автономия начала исчезать, а вместе с ней стал исчезать и суверенитет территориальных общностей, не располагающих запасами ископаемого топлива. Многие в мировой экономике и политике за последние 100–150 лет связано с ролью топлива в поддержании экономического суверенитета. Достаточно вспомнить одно слово – "Газпром", чтобы многое понять в специфике суверенитета и государственности в современной России. К этой теме мы ещё вернемся

Итак, сверхвысокий экономический суверенитет семьи на Западе имел обеспечение на всех уровнях: собственно хозяйственном (автономный цикл "навоз-зерно"), техники мышления (преобразованная кочевническая) и мировоззренческом (христианское понимания личности). На классическом Востоке не было ни одного из перечисленных элементов.

Как известно, сейчас образец "красивой" жизни как фактор социальной нестабильности, "двигатель прогресса", в том числе и у нас, люди находят на Западе и трудно поверить, что когда-то всё было с точностью до наоборот. Однако надо учитывать, что "красивая" жизнь на Востоке была не у многих. Западу удалось её демократизировать, но только "для своих". "Для всех" – уже не хватит Земли, её естественных производительных и потребительных сил.

Сравнивая два крайних случая перехода к оседлой жизни, можно сказать, что на Востоке происходил своеобразный обмен свободы хозяйствования на обеспеченность существования на групповой основе, то есть одна инструментальная ценность экономического суверенитета частично заменялась на другую. "Коллективное животное", родовая община, при этом уступала место "коллективному растению" – соседской общине. (Метафора "зри в корень" отражает "растительную" технику мышления). Много позже на Западе переход к оседлой жизни сопровождался индивидуализацией (точнее, сначала переходом на уровень семьи) свободы хозяйствования в общем-то без снижения обеспеченности существования. Оговорка "в общем-то" отражает тот факт, что отдельно хозяйствующей семье труднее, чем более крупной общности, например, кочевой родовой общине, защищать себя от любителей "постричь". Чуть позже мы обсудим, к чему это привело.

Как уже отмечалось, в результате перехода к оседлой жизни в Западной Европе основной хозяйствующей общностью здесь стала семья, занимавшаяся богарным земледелием и исповедовавшая вместе со всеми соседями Римско-католическое христианство. Точнее, большая семья, включающая не менее трех поколений, в отличие от современной западной малой семьи, включающей лишь два, а то и одно поколение.

Соседская община здесь по сути дела была лишь культурным (религиозным) образованием и не выполняла сколько-нибудь важных хозяйственных функций. Это уже не восточный "улей", а, скорее, "товарищество", собрание автономных экономических единиц, атомов общества. Главная ценность – пахотная земля – стала фамильной, семейной собственностью (не путать с частной!). Свобода хозяйствования осталась инструментальной ценностью, как и при кочевом образе жизни (хотя возможность перемещения здесь резко сокращена, но никто не командует с верхних этажей хозяйственной иерархии, их просто нет), социальных гарантий существования не прибавилось, скорее, наоборот, но обеспеченность существования повысилась за счет освоения местной культуры земледелия (особенно тяжелого плуга на конной тяге) и стабильности природно-климатических условий.

В немецком языке для двух типов общностей – "товарищества" и "улья" есть два разных термина – Gessellschaft и Gemeinschaft. Первым их использовал при классификации экономических общностей К. Маркс, что прошло мимо внимания наших марксистов и, в свою очередь, сказалось на качестве переводов его работ на русский язык. В науку эти термины вошли после Маркса и независимо от него.

Определение 14. Собственность – общественный институт, определяющий границы прав субъектов по отношению к благам.

Основное экономическое отличие западной оседлости от восточной состоит в атомизированности общества, отсутствии изначально хозяйственных иерархий. Индивид здесь по-прежнему есть лишь часть хозяйственной общности (в данном случае семьи), но очень большая часть, если так можно выразиться. Тем самым исходное различие между преимущественно индивидуальным характером производства, хозяйствования с применением ручных орудий труда и коллективным присвоением его результатов, существовавшее у кочевых племен и переросшее в противоречие на Востоке, здесь как бы нашло своё разрешение за счет автономизации присвоения.

Это, конечно, не значит, что на Западе совсем не было иерархий в период перехода к оседлой жизни последних "великих переселенцев". Отнюдь. Их было даже больше, чем на Востоке. Главными среди них были две – церковная и военная. Первая из них имела как бы внешний по отношению к хозяйствам характер. Само принятие христианства в Западной Европе означало вхождение верующих в организацию, центр которой находился в Риме. Вторая иерархия, военная, как представляется, имела внутренний характер или по крайней мере подпитывалась слабостью семьи как субъекта, не способного обеспечить свою собственную безопасность от возможных посягательств со стороны других субъектов, продолжающих бродить и пытающихся "стричь".

Государство-посредник

В самом начале уже говорилось об обеспеченности существования как об аспекте экономического суверенитета наряду со свободой хозяйствования. Но подразумевался в основном некий минимум материальных благ. Дело в том, что ни для кочевых общин, ни для восточных оседлых народов эти вопросы не стояли. Коллектив уже сам по себе – большая сила, а многие инструменты могли иметь двойное назначение: и орудий труда, и средств защиты (или нападения).

Только западная оседлость обнажила безопасность жизни и имущества как самостоятельный аспект экономического суверенитета. Слабость семьи в оборонительном аспекте породила "снизу" потребность в военном сословии (благо кочевое прошлое было здесь совсем недавним) и военной иерархии. Можно сказать, что безопасность как специфическое экономическое благо стала в Европе объектом арендно-рентного отношения между военным сословием и гражданским населением и часто – односторонней эксплуатации первым второго. Специалисты по безопасности (военные) в силу асимметрии как

информационной, так и чисто силовой, могли в гораздо большей степени влиять на пропорцию, в которой эмпирически невидимое общественное благо "безопасность" обменивалось на вполне ощутимые материальные частные блага.

Равенство в страхе как социологическое выражение фундаментальной основы западного гражданского общества было осознано уже Гоббсом: "Равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе. А кто может причинить наибольшее зло, т.е. убить их, тот может быть равным им в любой борьбе. Итак, все люди от природы равны друг другу, наблюдающееся же ныне неравенство введено гражданскими законами".

Античная община, особенно римская, представляла собой переходный вариант между "ульем" и "товариществом", а потому достижения античного общества, в частности, римское право, также стали предметом наследования (усвоения, присвоения), когда потребность в упорядочении отношений трёх сословий стала насущной, превратилась в нужду.

Обе иерархии (глобальная церковная и локальная военная) материальные условия своего существования получали из одного источника – семейных хозяйств. Ситуация "слуги двух господ" весьма неустойчива. Выяснение отношений всех трех сторон ("трех сословий") становится перманентным процессом, что порождает потребность в независимом от всех посреднике. Им здесь и стало государство, правовое государство, как специфический западноевропейский институт позднего средневековья, какого ранее нигде не было, не считая отдельных его элементов в период античности. За последние два века и в Европе институт государства претерпел эволюцию в сторону обеспечения социальных гарантий в части материальных благ.

Правовое государство как таковое совершенно не ориентировано на предоставление каких-либо гарантий обеспечения существования, кроме безопасности и выполнения взаимных обязательств участников договорных отношений. Экономический суверенитет семей, хозяйствующих на земле, не требовал от государства ничего большего. Эта односторонность западноевропейского государства крайне негативно дала себя знать при переходе от натурального хозяйства к рыночному, а затем и классическому капиталистическому производству. Понадобился довольно бурный и даже кровавый XIX в., чтобы экономические гарантии государства в отношении его граждан стали общепризнанной реальностью.

Скорее всего, XIX век был не более кровавым, чем предшествующие Средние века – "христианские" – и последующий XX век – "коммунистический". Надо также учитывать, что западное право внерелигиозно (точнее, оно вне христианства) как по происхождению ("Рим – открытый город" с античных дохристианских времен), так и по функциям. Первое сословие здесь – лишь одна из сторон, "качающих права", а не беспристрастный арбитр. Для сравнения отметим, что в мусульманском мире ситуация совсем иная.

Наличие огромного количества, массы суверенных семейных оседлых хозяйств со сравнительно недавним кочевым прошлым впервые в истории создало материальную предпосылку для превращения натурального хозяйства в товарное, расширения рыночных связей – из обслуживания желаний в обслуживание нужд. Можно также сказать, что рынок стал опосредовать движение не только прибавочного продукта, но и необходимого. До этого рыночные связи, в том числе и межконтинентальные, конечно же, существовали, а кочевые племена втягивались в торгово-посреднические функции. Но число субъектов было сравнительно невелико, стабильность связей – тоже, в обеспечении выживания полагаться на них субъектам было бы нерационально. Теперь же создавалась новая ситуация.

Однако на семейные хозяйства давило бремя сразу двух иерархий – церковной и военной, одна из которых (церковная) не имела никакого хозяйственного значения, ничего не гарантировала в этой жизни, а вместо этого пыталась торговать благами потусторонней жизни (имеются в виду индульгенции). Как уже отмечалось, христианство оказалось весьма подходящей религией для освоения её кочевниками. Но это имело и свои негативные стороны. То, что легко даётся, не всегда оказывается действительно освоенным, глубоко прочувствованным.

Движение обновления, реформации духовной жизни, начавшись с сомнений в святости римской церкви, весьма логично кончилось у многих сомнением в святости вообще, атеизмом, человекобожеством, как назвал это явление С.Н. *Булгаков*. И это тоже проявление тотемического самосознания. Ведь тотем – это малая группа людей, кровных родственников. Движение от этой исходной точки в сторону расширения ведет к человеческому роду в целом (все люди братья, "нет ни эллина, ни иудея"). В этом случае исчезает множественность тотемов, естественная в исходной точке. Движение же в противоположном направлении, в сторону сжатия, ведет, в конце концов, к отдельно взятому человеку. В этом случае исчезает общность, индивид остается наедине с собой, без людей и без Бога. Точнее, сам себе Бог, абсолютно суверенный человек, ни к чему не причастный, даже к семье, которая может быть, а может и не быть. "Экономический человек", живущий своей частной индивидуальной жизнью (в "своём доме – своей крепости").

В отличие от Адама Смита, который своей известной метафорой "невидимая рука" обозначал Божий промысел, современная экономическая наука (как и физика последних веков) в этой гипотезе не нуждается. "Возможно, то, что люди подразумевают, говоря о Боге, является всего лишь персонификацией тех традиционных моральных норм и ценностей, что поддерживают жизнь их обществ. Для общества важно не то, как думают, а то, как себя ведут; и коль скоро поступки наши добры и справедливы, для ближнего не имеет ни малейшего значения: ошибочны наши взгляды или нет" (Фрезер)" (*Хайек*, с. 239, 267).

С точки зрения экономического суверенитета здесь важны два взаимосвязанных момента: переход от семейной собственности к индивидуальной и замена семейной собственности частной. Эти две формы собственности – индивидуальная и частная – часто смешиваются, что ведет к большим недоразумениям. Классическая семейная, фамильная собственность средневековья отличалась от частной как раз невозможностью продать объект такой собственности, прежде всего землю. Тем самым она защищает интересы присвоения будущих поколений семьи (своего рода семейная гарантия), но при этом ограничивает свободу хозяйствования действующего индивида. Если он захочет сменить место проживания, то неотчуждаемая семейная собственность для него – как гиря на ноге каторжника. Хотя сама по себе индивидуальная собственность, как и семейная, не является частной, индивид, в отличие от семьи (большой, многопоколенной), имеет ограниченный срок существования. Его собственность поэтому конечна. Отсюда остаётся один шаг до права **физического лица** на отчуждение любой своей собственности (и/или права пользования ею), становления института частной собственности, с которого и начинается Новая история.

Термин "частная" применительно к собственности имеет двоякое толкование – функциональное и субъектное. Согласно функциональному, качество частной имеет отчуждаемая собственность, то есть то, что можно продать, вообще передать другому лицу, неважно, физическому или юридическому. Согласно субъектному, частной является собственность физических лиц, даже если она не подлежит отчуждению. Поскольку эти толкования дают разные результаты, надо весьма аккуратно обращаться с термином "частная собственность", четко понимая, какой именно смысл имеется в виду в каждом конкретном случае.

Точнее, с частной собственности именно физического лица начинается эпоха преобразований частной собственности, существовавшей до того уже не одну тысячу лет

вместе с отношениями обмена суверенных субъектов.

Первый шаг на новом пути, сделать который можно было в свое время только на Западе, состоял в объединении одним хозяином (производителем, капиталистом) группы собственников рабочей силы, делегировавших ему право её использования в обмен на соответствующую арендную плату – ренту, именуемую "оплата труда". Вопреки распространенному мнению, этот хозяин не обязательно был при этом собственником средств производства. Например, развитие капитализма в России сто лет назад (равно как и в Англии еще лет на двести-триста раньше) начиналось с работы домашних хозяйств-промыслов на заказ оптового покупателя, который и брал тем самым на себя общее планирование производства и ответственность за принятые хозяйственные решения.

Говоря о специфике развития капитализма в России, часто делается упор на его первоначальном развитии в деревне с преимущественно торгово-посреднической ролью городов. Это, в частности, отмечал в свое время М.И.Туган-Барановский (1912а): "Город на Западе был центром мелкой промышленности, работавшей не на торгового посредника, а непосредственно на потребителя. В России же город был, преимущественно, административным и торговым центром, а промышленность была раскинута, главным образом, по деревням".

С этой особенностью хозяйственного развития связано ещё одно важное обстоятельство, сохраняющее значение и поныне: "На Западе имеется многочисленный средний класс – мелкие предприниматели, промышленники и торговцы, энергичные, предприимчивые и зажиточные, умеющие отстаивать в борьбе с крупным капиталом свои интересы. У нас же не было никакой другой промышленной культуры, кроме капиталистической, и нет зажиточного и многочисленного класса мелких предпринимателей..." (М.И.Туган-Барановский, 1912в)

Правда, вывод, который из этого делает М.И.Туган-Барановский, сейчас кажется парадоксальным: "...– капитализм, вопреки обычному мнению, играл у нас гораздо более положительную роль, чем на Западе, ему не приходилось разрушать высокую экономическую культуру иного типа" (там же).

Попутно хотелось бы высказать ещё одно соображение – о постиндустриальности наших столичных регионов. Высказывания на этот счет встречаются всё чаще (см. например, *Нефедова и Трейвиш*). Основаны они на высокой доле "третичного сектора" (транспорта, торговли, услуг) в экономической активности. Но ведь это же было характерно для них и сто, и двести лет назад.

Принципиальная новизна феномена мануфактуры состояла в том, что под одной крышей собирались совершенно разные, живущие независимо друг от друга люди, которых некий вполне земной механик (хозяин, предприниматель) соединял по своему усмотрению в живую машину. Любую деталь этой машины он мог заменить при необходимости на другую, взяв её на рынке труда. Выражение "незаменимых людей нет" берет своё начало здесь. Именно с тех пор европейско-американская культура производства базируется на принципе "человек под функцию", что представляет собой полную противоположность более распространенному на Востоке принципу "функция под человека". С тех же пор механистические штампы надолго (до сих пор!) становятся доминирующими в западной технике мышления. Чего стоит, например, выражение "хозяйственный механизм", часто произносившееся не так давно в нашей стране.

Замена одной детали "живой машины" другой, более эффективной "неживой", – дело смекалки, времени и техники (и затрат, конечно). Вообще говоря, вся **промышленная революция**, переход от мануфактурного производства к машинному и представляла собой постепенную замену человека как естественной производительной силы коллектива другими предметами с заданными свойствами, овнешнение коллективной производительной силы. Следующий технологический этап связан с постепенной заменой человека (индивида, группы и т.д.) как общественной производительной силы в части обработки информации и принятия так называемых рутинных хозяйственных решений. Это стало содержанием происходящей на наших глазах **информационной революции**.

"В технологических образованиях принципом классификации вместо формы выступает функция. В природе кошки или птицы считаются животными, и таким образом относятся к той же самой категории, что и человек, который есть также животное. Но на современной железнодорожной станции автомат для продажи билетов и человек-кассир относятся к одной категории, тогда как кошки и птицы полностью исключены из этого функционального тождества, из этой функциональной категории. Следовательно, животные, которые в природе родственны человеческому существу, теперь в технологическом измерении отчуждаются от природного родства и относятся в разряд неэффективных вещей... Таким образом мета-техника реализована как относящаяся к самосознанию человечества в своём мире" (Имамичи, 79).

Второй крупный шаг состоял в появлении наряду с физическими лицами **юридических лиц**. Примером такого лица является любое акционерное общество. Смысл этой институциональной новации состоял в том, что права, как бы по природе вещей принадлежащие лишь людям, способным принимать решения и нести за них ответственность, могут иметь и некие общности, причем даже не обязательно с фиксированным членством. Это значительно облегчает движение экономических прав (хозяйствования и присвоения, вообще всего пучка прав собственности). Особенно важно это не для собственников условий (факторов) производства, хозяйствования, а для непосредственных производителей, хозяев, поскольку именно их доход образуется как остаточная от результатов хозяйствования величина после расчетов с собственниками факторов производства и может иметь любой знак, плюс или минус, что чревато банкротством, лишением домашнего имущества, а то и тюрьмой.

Какого права не имеет юридическое лицо (во всяком случае, теоретически), так это права на материальные гарантии существования со стороны общества. Это значит, что существование (и прекращение существования) такого лица зависит только от его собственных решений, их качества и, конечно, от всей совокупности обстоятельств, в которых эти решения принимаются и реализуются. Значение этого стимула для эффективности хозяйствования невозможно переоценить, точно так же как невозможно переоценить и отслоение угрозы банкротства фирмы от угрозы необеспеченности существования людей. Тем самым вопрос жизни и смерти в экономическом измерении нашел на Западе решение в разведении по разным уровням социальной иерархии экономического существования (жизни и смерти, банкротства) хозяйствующих субъектов и физического существования (жизни и смерти) индивидов, на которое оказалось возможным резко сократить воздействие факторов, связанных с экономической активностью. По крайней мере, в части присвоения. В части хозяйствования факторы риска вряд ли когда-либо удастся устранить полностью (например, обойтись совсем без аварий в шахтах, предотвратить проявления естественных стихий).

"Кузница техник мышления"

Таким образом, западный вариант оседлости оказался гораздо более динамичным, чем восточный. В его рамках вроде бы нашлось институциональное решение исходного противоречия свободы хозяйствования и обеспеченности существования. Первое становится прерогативой производителей продукции на рынок (мировой), а второе – государства и его граждан-налогоплательщиков. Разумеется, отрицательный эффект перераспределения результатов хозяйствования при этом не исчезает: чем хуже режим налогообложения доходов в той или иной стране, тем менее она привлекательна для корпораций, действующих в мировом масштабе (да и для местных предпринимателей, уходящих в "тень" от налоговой инспекции), но страх исчезновения, этот сильнейший стимул для производителей-хозяев, перестаёт нависать над наёмными работниками – конечными потребителями.

Но тогда почему в предыдущем абзаце выделены слова "вроде бы"? Быть работником-

винтиком, хотя бы и неплохо оплачиваемым и независимым от того, как идут дела у фирмы, – этого вряд ли достаточно человеку, чтобы чувствовать себя Личностью. Сейчас это становится невыгодным даже и самим фирмам. Одно дело, когда в мануфактуре каждый делал какую-то простую операцию, не требующую особо высокой квалификации (отчасти это сохранилось и до наших дней – на конвейере) и совсем другое дело, когда в современном наукоёмком производстве просто невозможно заранее предусмотреть все возможные штатные и нештатные ситуации, действия в них персонала, применяемые стимулы и санкции. В этой ситуации часть хозяйственных решений так или иначе, в явном или неявном виде принимают "синие воротнички", как в западной статистике называют производственных работников. Причем в момент принятия решения может отсутствовать определённая в отношении "конечного результата" для самого работника (то есть то, как будет оценена его активность и будет ли она вообще оценена).

Отчуждение работников от жизни фирмы, её дел, становится в таких условиях фактором неэффективности, предметом забот менеджеров, в том числе и высших. Если посмотреть на соответствующую западную литературу, то проблемы внутрифирменного планирования и стимулирования выглядят в ней на удивление близкими тому, что обсуждалось и в нашей специальной литературе эпохи развитого социализма. Хозяйственная иерархия, появившаяся впервые на Востоке, возникла и на Западе, хотя и на новой институциональной основе. Причем, как ни парадоксально, типичная для Востока интеграция всех уровней иерархии, их взаимозависимость в современных условиях становится конкурентным преимуществом азиатских корпораций перед западными.

Связано это со спецификой знания как элемента общественной производительной силы и положением индивида в хозяйстве. Можно сказать, что хозяйственная иерархия отличается от малого, индивидуального хозяйства тем, что знание здесь является силой (производительной), существующей независимо от индивидуальных носителей самого знания.

В древности на Востоке (например, в том же Египте) сакральные и хозяйственные знания не существовали раздельно, поэтому нельзя сказать, чем прежде всего изначально была письменность – инструментальной хозяйственной ценностью или чем-то большим. В любом случае движение информации по уровням хозяйственной иерархии – это то, без чего невозможно её функционирование и тогда, и сейчас.

На Западе хозяйствование не один век обходилось без иерархии. Слово (письменное) существовало вне его (по большей части – в религиозной жизни, прежде всего через Библию). По сути дела до XX в. роль информации в хозяйственной жизни, наличие издержек, связанных с её получением, переработкой и применением, на Западе не осмысливалось ни учеными, ни политиками. Не вдаваясь в подробности, можно отметить в составе таких издержек собственно материальные затраты, затраты времени, особенно на согласование решений, а также издержки, связанные с дезинформацией, которая может поступать от других субъектов.

В экономической науке анализ транзакционных издержек начал в 30-е гг. Р. Коуз, а в научный оборот это понятие вошло лишь после Второй мировой войны. Причем вначале под ними понимались только издержки, связанные с заключением сделок между различными субъектами (отсюда и термин) и лишь затем в это понятие были включены издержки принятия хозяйственных решений внутри фирм. Проекты переустройства общества опирались на неявную предпосылку об отсутствии издержек принятия решений. Только практический опыт попыток такого переустройства в ряде стран (оказавшийся в целом не столь удачным, как предполагалось многими) и внутрикорпоративного управления в других странах заставил переосмыслить роль информации.

Как ни парадоксально, похоже, зачинатели последних реформ в нашей стране ухитрились повторить ту же ошибку, наступили на те же грабли. Курс на быстрый демонтаж прежней системы

принятия хозяйственных решений и ускоренное изменение держателей титулов собственности опирался на неявное предположение об относительной простоте и легкости рыночного способа установления хозяйственных связей, нахождении наилучших партнеров.

Но рыночный механизм тоже не свободен от транзакционных издержек, а их понижение возможно лишь как результат длительных и дорогостоящих вложений в рыночную инфраструктуру, как материальную (связь, транспорт, складское хозяйство, ориентированные именно на рынок, а не на решение задач оборонительного характера), так и институциональную, которая тоже создается долго и в мучительных согласованиях интересов различных реальных субъектов экономической власти в нашей стране.

Сейчас об информации говорится много. Отметим здесь два момента, относящихся непосредственно к теме данной работы. Первое: знания, как правило, не являются индивидуальной собственностью и не могут быть частной собственностью, поскольку не поддаются отчуждению. На эту тему есть хорошее сравнение. Если у тебя и контрагента есть по яблоку, то после обмена тоже будет по яблоку, хотя и другому. Если у тебя и контрагента есть по идее, то после обмена у каждого будет уже по две идеи. В связи с этим можно говорить о всеобщем присвоении как естественной черте информационного, **постиндустриального общества**.

Второе: приобретение знаний, как правило, не является процессом, в котором участвует только один субъект. Такая ситуация если иногда и может встречаться, то разве что только в процессе первичного наблюдения. В других познавательных процессах обычно взаимодействуют многие люди. Причем не только современники, но и представители прошлых поколений. Это не исключает, а предполагает, что присвоение знаний каждым происходит только "по труду", в соответствии со степенью его реального, человеческого соучастия в общем процессе познания.

"Истина познается сообща человеческим родом, здесь существует естественный и неустранимый коммунизм" (*Булгаков*, 63).

Трудноохраняемость информации как объекта собственности создает массу проблем как раз в западных фирмах, где степень интегрированности персонала в её дела традиционно минимальна. Если каждый – за себя, то все остальные (и уж в первую очередь работодатель) представляют собой инструментальную ценность. Их можно и нужно использовать, не очень заботясь об их проблемах. При таком умонастроении угроза оппортунистического поведения, предательства (если это окажется более выгодным) становится реальной помехой эффективному функционированию фирм, ведет к дополнительным издержкам на борьбу с ней. Например, на превентивный подкуп своих же сотрудников, чтобы их не перекупили конкуренты. Этим, в частности, объясняется непропорционально высокая оплата вспомогательного персонала в офисах банков и других заведений, имеющих дело с большими массивами деловой информации. Понятно, что подобные издержки гораздо меньше на Востоке. Так что западный индивидуализм оказывается весьма дорогостоящей традицией.

Фраза, пришедшая в нашу жизнь, в том числе и деловую, с Запада: "Это – ваши проблемы" демонстрирует именно нежелание "входить в положение", "быть человеком". "Член совета директоров фирмы "Ниссё Иваи" Миёси Симада, который в связи с делом "Дуглас Грамман" покончил с собой, бросившись с крыши здания, в своём предсмертном письме оставил знаменитое высказывание: "Жизнь корпорации вечна. Мы должны служить этому вечному!" (*Окумура*).

Далее. Ситуация "слуги двух господ", подчинённость двум разным иерархиям, которая была характерна для европейского средневековья, воспроизводится вновь при разделении двух сторон экономического суверенитета между фирмами (свобода хозяйствования) и государством (гарантии существования граждан). Ведь гражданин при этом автоматически

входит в иерархию государства в качестве его нижнего уровня и "полуавтоматически" – в иерархию той или иной фирмы, корпорации, может быть даже транснациональной корпорации. Обе эти иерархии рассчитывают на его лояльность по отношению к себе, но их взаимные отношения при этом могут быть весьма конфликтными, поскольку у них совершенно разные способы и цели существования.

Фирма – это современное "коллективное животное", озабоченное главным образом своим собственным выживанием. В отличие от индивида существование фирмы не ограничено природой. Всё зависит прежде всего от неё самой, как и у кочевой родовой общины, её далекой предшественницы. Временной горизонт фирмы – настоящее и обозримое будущее – год, пять, десять, от силы двадцать лет, многое зависит от продолжительности жизненных циклов продукции и основного капитала, а также от "правил игры". Члены персонала для неё – только средство (так же, как она для них, если говорить о типичной западной фирме), но от них, тем не менее, требуется высокая степень лояльности.

Национальное государство (западное) – это современное "коллективное растение", живущее долго и, по идее, охраняющее не только ныне живущих граждан от слишком жестоких ударов судьбы, но и будущие поколения от недальновидной активности ныне действующих "коллективных животных" – фирм. Здесь, скорее, лояльным должно быть государство по отношению к своим гражданам-налогоплательщикам, чем наоборот. Но эти же граждане, работающие на фирмах, тем самым оказываются не вполне беспристрастными, объективными направи́телями воли государства. Выборные органы власти оказываются местом лоббирования сиюминутных интересов различных групп населения. А ведь есть ещё проблемы так называемых внешних эффектов, экстерналий, выходящих за пределы территории отдельных государств и затрагивающих всех обитателей планеты.

Прежде всего это относится к экологии. Здесь усилий одних только национальных государств недостаточно для эффективного противодействия аппетитам фирм. Обеспечение существования, таким образом, перестаёт быть делом отдельно взятых национальных государств. Можно сказать, что корпорации – это современные кочевники. Во всяком случае, всё сказанное выше о технике мышления кочевников, их отношении к окружающему, представляется справедливым и для корпораций. С этой планеты бежать некуда. Следовательно, стратегически кочевническое (= рыночное) умонастроение обречено занять подчиненное положение по отношению к оседлому.

Таким образом, западный вариант оседлости дал весьма своеобразное решение проблемы кочевничества. На этого хищника в конце концов вскочили и понеслись вперед (к экологической катастрофе?). Причина этого видится в том, что Запад, начав с высокой степени согласованности форм хозяйствования и присвоения (семейно-индивидуальных в исходном пункте), в конце концов пришел к противоречию между общим и даже всеобщим (наука – всеобщая общественная производительная сила) характером производства, хозяйствования и всё ещё остающейся близкой к индивидуальной формой присвоения.

Отсутствие органического синтеза кочевой и оседлой техники мышления на Западе находит отражение и в наличии в этой технике двух общепризнанных традиций: островной и континентальной. Традиции эти сосуществуют в Европе не один век, так и не переходя в синтез. Наличие двух хозяйственных иерархий – корпоративной и государственной, – скорее всего, не способствует такому синтезу. Что будет дальше – сравнительно быстрый рукотворный Конец Света или переход человечества к новым формам хозяйствования и присвоения – кто сейчас скажет?

Различие между островной и континентальной техниками мышления довольно наглядно видно на примере вопросов, которые можно задать при наблюдении капли, скажем, воды. Два типа "почему?" – "почему эта капля появилась здесь и теперь, в чем причина этого события?" и "почему все капли круглые, на чем основано это свойство?" – абсолютно не пересекаются между собой и принадлежат

разным подходам к окружающей действительности.

Событийный подход органичен для кочевой ментальности. В экономической науке ему ближе доминирующая сейчас поведенческая парадигма: неважно, как устроен субъект, что у него в голове, главное, как он действует, какие совершает поступки. Приведенная в одной из вставок цитата Нобелевского лауреата по экономике Ф. Хайека о Боге весьма показательна.

Здесь же можно отметить сугубо потребительскую ориентацию при моделировании поведения "экономического человека" с применением аппарата кривых безразличия. Субъект при этом выступает только как оптимизирующий пользователь благ или ресурсов, а не творец. В этом также просматривается примат кочевой, "присваивательской" ментальности над оседлой, "производительской". А если ещё учесть, что именно своим творчеством человек может быть подобен Творцу, то безбожность, атеистичность современного основного течения в экономической науке оказывается вполне закономерной.

Свойственный подход органичен для оседлой ментальности. В экономической науке его придерживалась немецкая историческая школа. Сравнительно недавний пример различия этих подходов в философии образования можно найти в "Вопросах философии" (1995. №11. Стр. 24-25).

Естественно, что островная, эмпирико-позитивистская, кочевническая техника мышления ближе к свободному рыночному предпринимательству, а континентальная, схоластико- догматическая – ближе к оседлости и активной роли государства в экономической жизни (например, в Пруссии эпохи Бисмарка или Германии XX в.). Кроме того, первая из них ближе к классическому естественнонаучному стандарту рациональности. В соответствии с ним надо стремиться к максимальной объективности, а потому устранять всё, что связано с индивидом, человеком.

Второй же тип техники мышления не вписывается в этот стандарт (как, впрочем, и вообще всё, что связано с человеком, его свойствами как человека). Современная естественная наука (прежде всего физика) уже довольно далеко отошла от этой классической рациональности. Об экономике этого пока сказать нельзя.

Различие островной и континентальной техник мышления существует не только в философии, которая может на первый взгляд показаться очень далекой от реалий экономической жизни, но и в сфере права, близость которой к практической экономике вряд ли требует доказательств даже в наших далеко не правовых условиях.

Так, согласно английской традиции "common law" (обычного права), право формируют прежде всего судьи, вынося судебные решения, приобретающие затем силу прецедентов, на которые можно ссылаться, как на законное правовое основание.

Согласно континентальной традиции, право формирует законодатель, создающий некую глобальную систему, свод законов.

Связь обеих традиций в философии и праве видна невооруженным взглядом.

3. Российский суверенитет: поиски продолжаются (или: "война по вертикали" – "кто сильнее?")

Незавершенная оседлость

Теперь посмотрим, как происходил переход к оседлой жизни на Руси. Здесь реализовался как бы смешанный вариант, давший в итоге нечто, непохожее ни на традиционный Восток, ни на классический Запад. По времени переход к оседлой жизни на Руси происходил примерно тогда же, когда и в Западной Европе – в первые века новой эры. Но, в отличие от неё, на языческой, а не христианской основе. Это её очень сближает с оседлым Востоком.

Технологическая же основа оседлости на Руси совпадала с западноевропейской – всё тот же цикл "навоз–зерно", с одним, но существенным, уточнением. "Органическая" автономия существовала не на семейном уровне, а на уровне соседской общины. Оно и понятно – зона рискованного земледелия, сообща выживать легче, хотя пытаться жить лучше – часто бывает труднее как раз сообща просто потому, что "что такое счастье – каждый понимал по-своему". В то же время обособление присвоения (чтобы пытаться жить лучше) выступает как предпосылка для реального обобществления хозяйствования. Ведь любой акт обмена (хотя бы и бартер) представляет собой совместное решение двух или более суверенных, обособленных субъектов.

Что до техники мышления, то она как-то застряла на полпути от кочевой к оседлой. Можно сказать, что по целому ряду причин (если очень коротко, – слишком много не возделываемой земли, не всегда удобной, и, до сравнительно недавнего времени, слишком много соседей-кочевников, не всегда мирных) у нас так и не закончился переход к устоявшейся, многовековой оседлой жизни. Чтобы далеко за примерами не ходить, вспомним XX век, столыпинские времена, – ведь целые деревни двигались в Сибирь. Понятно, что не от сытной жизни. Да и позже, освоение целины, – вряд ли очень уж оседлых людей удалось бы убедить ехать за тысячи километров.

"Мірь"

Исходный пункт российской оседлой жизни – соседская община – "мір" – резко отличается от обоих крайних вариантов: восточной "общины-улья" и западной "общины-товарищества". Ближе всего к ней по строению античный полис, где каждая семья хозяйствовала на земле автономно, но само право такого хозяйствования вытекало из причастности членов этой семьи к общине-государству. Но и от полиса "мір" отличался сугубо преходящим характером семьи как хозяйственного целого. Срок жизни семьи был даже меньше, чем срок жизни человека: с момента образования семейной пары и выделения ей в пользование земли примерно до образования повзрослевшими детьми своих семей. Поэтому можно говорить лишь о частичной индивидуализации как труда, так и жизни в российской общине.

Другими словами, в экономическом отношении "мір" занимал промежуточное положение между греческим полисом и восточным "ульем". От последнего его отличал самодостаточный характер российской общины, отсутствие у неё потребности в выполнении государством каких-либо хозяйственных функций. В то же время, от западной общины её отличало отсутствие потребности в выполнении защитных функций локального характера – от бродяг, разбойников, плохих соседей. Со всем этим "мір" вполне мог справиться сам. Не нужны были ему и судьи "со стороны", да и духовная жизнь, особенно поначалу (в язычестве) не требовала внешних контактов. В целом, по-видимому, можно говорить об очень высокой степени воспроизводственной самодостаточности міра, его экономическом суверенитете. Скорее всего, можно говорить и о культурной целостности, весьма гармоничных и гибких связях общинных и личностных интересов этой переходной (между восточной – *Gemeinschaft* – и западной – *Gessellschaft*) формы соседской общины.

Интересные рассуждения об эволюции государственности в России *Пастухова* (1992, 1995) опираются на довольно странное утверждение об исходной неорганичности культуры, связанной с наличием гетерогенных начал: коллективистского и индивидуального: "Под органичностью здесь подразумевается гомогенность, т.е. такое состояние культуры, при котором от своих истоков она существует как целое, а её элементы возникают и развиваются только в системе целого. В истории российской культуры, напротив, составляющие её первоэлементы – личностный и общинный – длительное время были как бы сами по себе, изначальны и безотносительны, переплетались, не соединяясь... Субстанциальным воплощением неорганичности российской культуры является государство... Большевицкая революция естественно вписывается в логику российской истории. Ею завершается длительный, многовековой процесс трансформации культуры, её *движения от неорганичности к органичности* (курсив автора – Л.Г.)" (*Пастухов*, 1992, с.61,70).

Вряд ли найдутся сомневающиеся в органичности античной культуры. Между тем, именно греческий полис является ближайшим соседом міра на "шкале" распределения соседских общин по соотношению индивидуального и общего "начала".

О реальности "личного начала" в культуре Востока уже говорилось в основном тексте работы. Что касается этого же начала на Западе, достаточно упомянуть религиозную нетерпимость (Варфоломеевскую ночь, инквизицию...), чтобы усомниться в обоснованности мифа о безусловном приоритете здесь личного начала.

Неорганичность русской культуры, которая действительно существует уже не один век, было бы естественней связывать не с внутри-міровыми отношениями, а с отношениями міра вовне, с

государством. Об этом и пойдет речь дальше.

С чем у этих общин часто возникали естественные проблемы, так это с кочевыми общностями разного рода – сухопутными на востоке и плавающими на севере. Первые иногда нуждались в пастбищах, да и всегда были не прочь "постричь". Вторые пользовались нашими реками как путями сообщений ("из варяг в греки"), имеющих экономическое (торговое) значение, что вполне допускало поиски компромиссов. Как часто бывало в истории, именно кочевники (в данном случае северные) "подрядились" выполнять функции "глобальных защитников". Собственно, защищали-то они от сухопутных кочевников свои пути сообщения, а уж заодно, постольку поскольку, и их прибрежных обитателей.

Таким образом, государство (правящая элита) в России изначально имело свой, частный интерес, связанный с международной торговлей. И то, и другое (и наличие особого интереса "верхов", и его специфику) необходимо учитывать при рассмотрении проблемы экономического суверенитета в России. В частности, повышенный интерес к международной торговле (с Европой – по воде) порождал высокую чувствительность к доступности морских путей сообщения как параметру экономического суверенитета, имеющему государственное значение. Отсюда стремление "прорубить окно в Европу" на Балтике, долгие войны с Турцией за проливы. Отсюда же и включенность в мировую (прежде всего, европейскую, атлантическую) экономику и политику, не связанная с обеспечением долгосрочных интересов "низов", ориентация на западную технику мышления (точнее, её кочевническо-торговую составляющую, без связи с христианством). В результате экономическая активность "верхов" и "низов" оказалась совершенно различно направленной в пространстве. "Верхи" стремились на Запад, а "низы" шли на Восток.

Благодаря мусульманской экспансии в Средиземноморье путь "из варяг в греки" был поначалу для политической элиты ценным сам по себе, как источник её доходов от транзита товаров. После изменения ситуации в Южной Европе Киевская Русь распалась. Потом долгое время интерес элиты к путям сообщений с границей был связан с экспортом традиционной (воспроизводимой!) российской продукции в обмен на предметы своего собственного потребления. В последние десятилетия резко вырос экспорт невозпроизводимых ресурсов, что, по идее, противоречит долгосрочным интересам и самой элиты.

Государство-защитник

Изначальное наличие особого интереса элиты в России весьма сильно трансформировало саму проблему экономического суверенитета и легло в основу нашего "особого пути", крайне непоследовательного, противоречивого. Как уже отмечалось, экономический суверенитет "мира" был намного выше, чем в чисто восточном и западном вариантах оседлой жизни. Чего не хватало, так это общей защиты от сухопутных кочевников. По идее, именно эту слабость и должна была восполнять элита из северных плавающих кочевников – государство-защитник. Отчасти, так оно и было, но наличие своего интереса мешало государству выполнять общезащитную функцию. По большому счету государство так и не обеспечило защиту от сухопутных кочевников, результатом чего стало покорение ими почти всей России. К моменту прихода кочевников из Монголии централизованного государства уже не было. И в дальнейшем часто не государство защищало жителей от внешних врагов, а им самим приходилось, защищая себя, спасать и обанкротившуюся в очередной раз элиту, олицетворявшую собой государство.

Писатель Василий Гроссман одним из первых показал, как это происходило во время Великой Отечественной войны. "За Родину!" – одновременно означало и "За Сталина!" независимо от отношения к этому вождю. Кстати сказать, термин "вождь" – из того же первобытного кочевого прошлого. Избавление от подчинения Орде также произошло не за счет выполнения государством своих функций защитника, а по причине упадка и распада самой монгольской империи. Потом эта ситуация у нас часто

повторялась – власть очередной группы не столько завоевывалась ею, сколько подбиралась из-за отсутствия серьёзных соперников.

Всё тот же экономический суверенитет "мира" порождал специфику взаимодействия "верхов" с "низами". "Верхам" приходилось рассчитывать главным образом на силу (насилие) для получения средств на свое существование. Ни экономических, как на Востоке, ни политических, как на Западе, рычагов воздействия на хозяйствующую общность ("мир") у государства не было.

Наличие независимых друг от друга интересов "верхов" и "низов" вкупе с неспособностью "верхов" нормально выполнять общезащитные функции из-за повышенного экономического суверенитета "низов" дало некое сочетание, которое можно назвать постоянной войной "по вертикали" внутри общества между "центром" и "местами" за свою долю экономического суверенитета. Эта война была то горячей, то холодной, но она продолжается и по сей день.

Краткосрочное поведение обеих сторон в этой войне вполне антагонистично ("игра с нулевой суммой"). Линия "центра" – взять как можно больше, чтобы иметь свободу маневра ресурсами при выделении их тем, кому он сочтет нужным (отраслям, регионам). Линия "мест" – отдать как можно меньше под любыми предлогами. Взаимный обман при этом – норма отношений внутри административной вертикали.

Долгосрочное поведение всех экономических субъектов при этом состоит в минимизации зависимости своего существования от всех остальных, натурализации хозяйства как способе реализации обеих сторон экономического суверенитета (свободы действий и обеспечения существования). Другими словами, исходная форма экономического суверенитета, свойственная "миру", не только воспроизводится на своем уровне (соседской общины), но и становится образцом для верхнего уровня, государства-защитника.

Саму по себе натурализацию вряд ли стоит оценивать как сугубо попятное движение, подлежащее преодолению во имя повышения экономической эффективности. Если критерий эффективности – выживание, то натурализация – вполне рациональная стратегия, не хуже многих других. По сути дела, она широко применяется субъектами и в развитых экономиках.

Стандартный показатель уровня самофинансирования инвестиций характеризует степень автономности, автаркии, "натуральности" хозяйствования фирмы. Понижение уровня чревато для любой фирмы потерей самостоятельности, сокращения её свободы хозяйствования. Взаимное участие в активах, взаимные сделки – это тоже проявление натурализации в современных условиях. "Когда сталелитейные компании решают, кому продавать свою продукцию, они учитывают, у кого покупается сырьё. Если универсальная торговая фирма занимает сильные позиции в торговле сырьём, то соответственно увеличивается и объём продаваемой ей сталелитейной продукции" (Окумура, с. 207).

С натурализацией связано стремление "центра" добиваться внутреннего экономического суверенитета – понижения зависимости от "мест" в осуществлении своих функций. Так появляется государственное хозяйство как некая обеспечивающая подсистема, обслуживающая прежде всего военные нужды. Понятно, что чисто экономические критерии эффективности (типа "минимум затрат на получение заданного результата") при этом не могут действовать в полной мере хотя бы потому, что "заданный результат" в безопасности общества – величина не вполне определенная количественно. Слова из песни: "знам нужна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим" – хорошо отражают особенности критерия эффективности защитной функции.

Уже при Петре I стремление "центра" к экономической независимости от "низов" реализовывалось довольно широко (естественно, без отказа от традиционной линии "постричь") в виде казенных и полуказенных заводов, мануфактур и т.д. Наиболее полно оно воплотилось в годы советской власти. Всё это делало наше государство похожим на

восточное, азиатское, в котором действительно доминировали хозяйственные функции. Принципиальное отличие состояло в том, что у нас хозяйственные функции отнюдь не доминировали, они всегда имели подчинённое значение, и наша элита никогда не была экономически грамотной. Собственный её интерес, исходно связанный с международной торговлей, не вёл к экономической культуре, связанной с производством. По-видимому, главная причина этого в неисчерпанности (пока!) природных ресурсов и связанной с этим возможностью продолжать (на уровне "центра") первобытную по сути практику присваивающей (а не производящей) экономики. Это – ещё одно проявление незавершенности перехода нашего общества к оседлому образу жизни.

Мы подошли к самому драматическому, действительно переломному моменту тысячелетней российской государственности. После того, как очередная правящая элита обанкротилась в обеспечении общей защиты, эта функция (защита Отечества) потеряла ореол святости, культивировавшийся у нас не один век (даже в Конституции СССР, антирелигиозного по сути государства, служба в армии называлась священным долгом каждого гражданина). Связанная с этим потеря значимости "центра" сделала его легкой добычей следующего уровня иерархии – республиканских элит, воспитанных в том же умонастроении, но вынужденных теперь заниматься больше хозяйственными делами.

Гонка вооружений, добившая нашу экономику, – это преимущественно западный феномен, как и обе мировые войны. Близость техники мышления нашей элиты к западной способствовала втягиванию в борьбу за стратегический "паритет силы" далеко за пределами реальной оборонной достаточности. В отличие от нас действительно азиатское государство – Китай – не стало втягиваться в эту гонку. Его элита не пожалела сил на скорейшее создание ядерного оружия и средств его доставки, но сразу же после решения этой задачи переключилась на долгосрочные экономические реформы.

Тесное переплетение военных и международно-торговых функций, характерное для кочевников, особенно плавающих, позволяло использовать одну из этих сфер для решения проблем в другой. Обычно война или её угроза использовалась как средство решения экономических проблем, хотя экономика – это сложная и разнообразная сфера жизни, в которой имеется достаточно своих методов воздействия агентов друг на друга.

Но и это только часть более общего системного кризиса в нашей стране. Тупиковой оказалась идея экономического суверенитета одной, отдельно взятой территориальной общности, у истоков которой и стоял тысячу лет назад "мир". В XX в. сам "мир" исчез как хозяйственный организм в результате индустриализации производства, разрушения локального цикла "навоз-зерно".

Машинно-тракторные станции стали своего рода аналогом азиатских надобщинных хозяйственных структур, началом конца экономического суверенитета "мира". Их упразднение после смерти Сталина ничего по сути не изменило, так как поставка сельскохозяйственной техники и запасных частей к ней, а также жидкого топлива, осталась в руках государства. Следующими шагами в том же направлении стали переход к химическим удобрениям и газификация сельского быта.

С исчезновением "мира" как экономического субъекта вообще-то теряет прежний смысл и всё, что над ним возвышалось. Однако активная включенность в экономическую жизнь (и в присвоение, и в хозяйствование) территориальных органов административно-политической власти на всех уровнях, особенно в течение XX в., волей-неволей консервирует сложившуюся систему. Более того, в условиях демонтажа отраслевой вертикали командной экономики и начала рыночных преобразований, территориальные органы наряду с выполнением традиционных функций "коллективного растения" активно развивают функции "коллективного животного". Повышению определенности экономических отношений это вряд ли способствует.

Индустриализация страны, будучи во многом (и по целям, и по методам проведения как до,

так и после 1917 г.) ответом нашей элиты на "вызов" Запада, в очередной раз привела к сдвигу на Восток её хозяйственной структуры. В данном случае это связано прежде всего с ископаемыми органическими источниками энергии (уголь, нефть, газ), хозяйственная функция которых оказалась близка к функции воды в речных цивилизациях древнего Востока. Принципиальная разница между этими хозяйственными благами состоит в том, что вода как воспроизводимый источник могла подпитывать существование хозяйственных иерархий в течение тысяч лет, а невозпроизводимые источники энергии истощатся гораздо раньше.

По сути дела, только нынешнее поколение элиты может рассчитывать на них. За время, имеющееся в её распоряжении (всего несколько десятилетий), ей предстоит не только самой сменить умонастроение на более оседлое, если так можно выразиться, но и помочь народу разобраться с теми мировоззренческими системами, которые с её же подачи культивировались. Без этого вряд ли можно рассчитывать на что-то светлое в будущем.

Мировоззренческий тупик?

Вряд ли будет преувеличением сказать, что две мировоззренческие системы, восточная – христианство и западная – "научный социализм", оказали наибольшее влияние на российское общество вообще и на решение в ней проблемы экономического суверенитета в частности.

В отличие от Востока в целом, где христианство так и осталось на периферии, и от Запада, где переход к оседлой жизни происходил вместе с принятием христианства, на Руси происходило *крещение* оседлого населения. Вряд ли оно вообще могло бы произойти сколько-нибудь успешно, если бы переход к оседлому образу жизни к этому времени закончился. Однако достигнутая к тому времени степень оседлости оказалась достаточной для того, чтобы христианство не смогло вытеснить язычество и наложилось на него. Это породило весьма противоречивый сплав "дневной" (христианской) и "ночной" (языческой) культуры, наличие которого стало одной из важнейших особенностей российской культуры и "низов", и "верхов" (см. например, *Пивоваров*).

То, что крещение проводилось "сверху", нашей специфической элитой, также задало традицию сложных отношений между церковной (идеологической) и государственной иерархиями, в которых господствующее положение чаще имела государственная. Это также мешало стабилизации мировоззренческого компонента хозяйственной жизни, без которого невозможна оценка долгосрочных последствий принимаемых решений.

Вряд ли наша элита X в. действительно выбирала мифологическую монотеистическую систему, призванную заменить на Руси язычество. Скорее всего, произошло обычное заимствование, когда при разности культурных потенциалов элементы более высокой культуры переносятся в более низкую. В данном случае и торговые контакты, и военные ("щиты на вратах Цареграда"), ориентировали на приобщение именно к византийской системе. Для элиты она была удобна и отсутствием общемирового центра. В то же время успеху крещения именно в православие, видимо, способствовали некоторая близость хозяйственного уклада "мира" к античному полису, а также то, что обе эти общности переходили от язычества к христианству в рамках оседлого образа жизни. Возможно, это же давало многим повод считать наше православие (Orthodox Church) "самым православным", ортодоксальным. Однако понятие "Святая Русь" – мало чем по существу отличается от такого, как "народ-избранник". Разница только в том, что в случае оседлой общности предметом освящения становится земля, а не родня, как у кочевников.

Можно сказать больше: в отличие от традиционного Востока, где мировоззренческие системы ориентировали в экономическом суверенитете на приоритет группы (что в наше время, например, в Японии, выражается в принципе "Корпорация превыше всего"), и от Запада, где христианством пытались (особенно *протестанты*) освятить экономический

суверенитет индивида, у нас православие с самого начала отрицательно относилось к выпячиванию того или иного субъекта, хозяйствующего "в этом мире", объявлению его интересов приоритетными.

Строго говоря, даже тело, к которому причастен каждый смертный – тело человеческого рода – не может быть носителем абсолютного экономического суверенитета, интересы которого должен был бы принимать во внимание в первую очередь каждый хозяйствующий субъект. Это тело тоже не может быть "кумиром". ["Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы." (Матф. 6, 34).] Однако заповедь всеобщей любви, а не только к "ближнему своему" ["И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?" – Матф. 5, 47], ориентирует каждого на всеобщую же заботу хотя бы ради спасения своей души.

Нетрудно заметить, что такой подход близок к постиндустриальной этике хозяйствования, выраженной формулой: "Думай глобально, действуй локально". Поэтому в нашем далеко не постиндустриальном обществе православие не способно стать мировоззренческой основой чьего-либо экономического суверенитета. Скорее, оно было и будет в естественной духовной оппозиции очередным государственным или радетелям прав человека. В этом есть своя положительная сторона, так как мир в целом уже подошел к тому рубежу, на котором ему приходится выбирать: или признать (и принять) постиндустриальную систему приоритетов хозяйствования, или исчезнуть. В такой ситуации наша исходная ценностная позиция вряд ли хуже любой другой. Более того, её неполная определённая (и в этом смысле явная отсталость от соседей на Востоке и Западе), пластичность, может облегчить вхождение в общее постиндустриальное будущее.

В отличие от православия (и как бы компенсируя его отрешенность от суеты "мира сего"), научный социализм оказал очень большое влияние на хозяйственное строительство в нашей стране. Научная форма (её континентальная версия), в которой К. Маркс излагал свою критику современного ему западного общества, включая его религиозные основы, импонировала нашей интеллектуальной элите, а практика прусского государственного хозяйства, начиная с Бисмарка, была, можно сказать, готовым образцом для подражания. В частности, продразверстку и другие мероприятия эпохи военного коммунизма осуществляли большевики, но готовили их ещё до 1917-го года совсем другие люди.

Вообще-то научных социализмов на Западе было немало. Например, так именовал свою систему Ш. Фурье. У нас в стране проповедовался вариант, который разные политики (начиная с немецких, например, Ф. Лассаля) связали с именем К. Маркса. Что бы сейчас ни говорилось, в последние десятилетия перед 1917 г. в России это имя было очень популярно, и не в последнюю очередь это было связано с непригодностью православия как идейной основы ускоренной модернизации общества, сохранения позиций элиты в мировой системе отношений того времени. То, что критика К. Маркса, в том числе "Критика Готской программы", относилась и к Пруссии, не принималось во внимание. Как и любой другой авторитет, его в политике можно было использовать "в тёмную". Можно было даже не публиковать его "неудобные" работы, что и делали сначала немецкие "партайгеноссе" – социал-демократы на рубеже XIX–XX вв., а потом и наши "товарищи".

"Обычно лавры первопроходцев на этом пути [формирования и опробования на практике идеологии организованного, планового хозяйствования в национальных масштабах. – Л.Г.] отдаются большевикам. На самом же деле последние практически ничего сами не изобрели. Нельзя в угоду политической конъюнктуры игнорировать несомненную связь военного коммунизма с политикой российских правительств 1914-1917 гг. (царского и временного)" (Май).

По-видимому, антииндивидуализм научного социализма позволял использовать его в войне против экономического суверенитета "низов". Логика простая: государство берет на себя гарантии существования граждан, но вместе с этим (и для их выполнения) становится

практически монопольным хозяйствующим субъектом. Понятно, что разные решения должны приниматься на разных уровнях государственной хозяйственной иерархии, а потому им должны делегироваться сверху определенные полномочия, именуемые, в частности, "оперативная хозяйственная самостоятельность".

Вместе с ней появляются "**юридические лица**", ничего общего не имеющие с юридическими лицами Запада. Расширение прав этих агентов возможно только за счет сокращения объема прав принципала. Обычное юридическое лицо – бестелесный субъект, на который по этой причине не распространяются государственные гарантии существования, но обладающий тем же объёмом хозяйственных прав, что и любой гражданин, полноправное физическое лицо. Появление таких юридических лиц не сокращает чьих-либо прав.

Таким образом, победа "центра" не стала полной и окончательной, "перетягивание каната" продолжилось на новой мировоззренческой основе, в которой не было места хозяйственным правам граждан. В частности, "граждане" не имели права привлекать других граждан по договору найма для ведения хозяйственной деятельности, не могли они вступать в отношения и с иностранными лицами, ни юридическими, ни физическими. Более того, само понятие физического лица отсутствовало в нашем хозяйственном праве. Лицо могли иметь только иностранцы, мы же были просто "граждане", без лица.

Сейчас можно зафиксировать как свершившийся факт, что победа элиты, взявшей в своё время на вооружение научный социализм, оказалась пирровой. "Снятие с вооружения" этой мировоззренческой системы само по себе ничего не меняет. Суверенитет, в том числе и экономический, остаётся объектом дележа. "Война по вертикали" продолжается. По сугубо экономическим причинам в этой войне ещё довольно долго стратегический перевес будет сохраняться за "верхами".

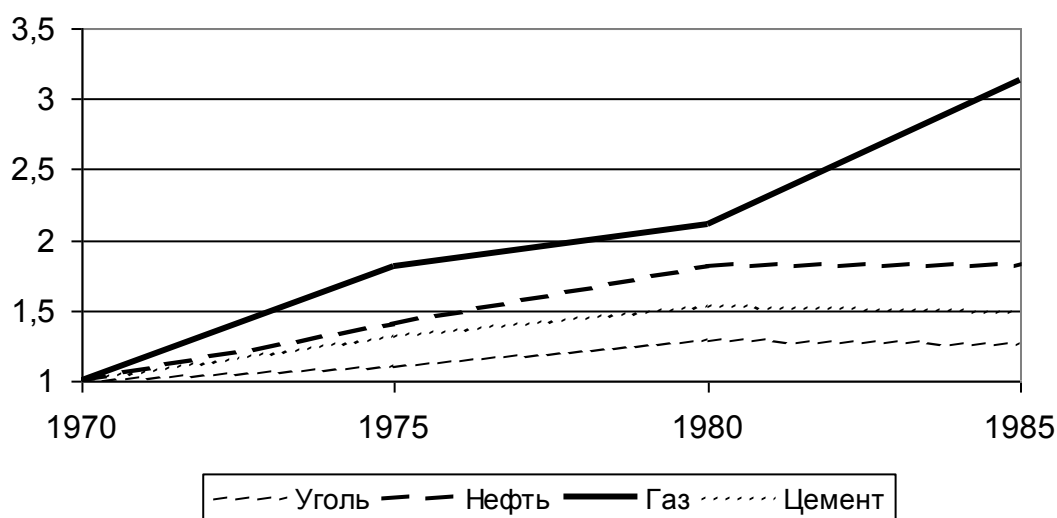
Как уже отмечалось выше, одним из аспектов суверенитета является энергетический. Этот аспект доминирует в мировых отношениях и становится по сути дела решающим внутри нашей страны. Специфика топливно-энергетического комплекса вообще и газовой промышленности в особенности состоит в очень высокой степени концентрации месторождений на немногих территориях. Причем как раз по газу на территориях, практически не имеющих постоянного населения (на Крайнем Севере).

Получается так, что в нашей стране есть сейчас (в отличие от всей предшествующей истории России и её государства) отрасль экономики, от которой зависят все остальные отрасли и, конечно же, все территории. При этом сама она практически не нуждается в них, так как всё, что ей нужно, она может получить извне страны. Что ей нужно, так это сильное центральное правительство, которое могло бы защитить её от посягательств со стороны жаждущих пристроиться к дележу пирога "без всяких на то оснований". Такое правительство она получила вскоре после начала реформ 90-х гг. прошлого века.

Можно сказать, что только в самое последнее время российская элита попала в ситуацию, когда она от психологии кочевника должна переходить к психологии оседлых обывателей. Первой в мировом масштабе элитой, которой пришлось проделать этот путь, были руководители государств речных цивилизаций древности. Их современные представители, например, в Китае, демонстрируют умение планировать развитие общества на несколько поколений людей вперед, включая регулярную, планомерную смену поколений самой элиты. В этом смысле очень показательно, что нынешний руководитель Китая является гидростроителем. Затем, сравнительно недавно, всего несколько веков назад, в странах Запада к власти пришла элита, которая по роду деятельности также владеет навыками сравнения затрат и результатов, причем на все более продолжительные периоды времени, заведомо превышающие сроки пребывания на своих постах.

В России кочевые по происхождению "верхи" сначала получали транспортную ренту на пути "из варяг в греки" и попутно "стригли" оседлых жителей прибрежных местностей.

Затем, после потери этим путем экономического значения, основной интерес "верхов" перешел на присвоение доходов от экспорта в Европу продуктов обработки воспроизводимых природных ресурсов. Для этого требовались большие массы людей, которыми надо было манипулировать. Сначала для этого использовалось православие, которое оказалось не очень подходящим средством манипуляции по причинам, о которых выше уже говорилось. Затем, уже в XX в., в качестве такого средства стала применяться идеология "научного коммунизма". В период, оказавшийся последним для СССР, довольно быстро по историческим меркам у "верхов" исчезла нужда в "научном коммунизме" как средстве манипулирования массами людей, поскольку исчезла нужда в самих этих массах. Как видно по данным о директивах на очередную пятилетку съездов КПСС периода "застоя" – с XXIV по XXVI – современная "топливоориентированная" структура российской экономики форсированно формировалась именно в тот период. Следует также иметь в виду, что только директивы по росту производства газа перевыполнялись.

Жидкое и газообразное топливо не требует больших затрат труда на добычу и транспортировку, а защита мест их расположения еще довольно долго будет гарантирована наличием технических средств (ракетных войск стратегического назначения), также не требующих большого количества людей.

По сути дела, "низы" оказались не нужны "верхам". Они наконец-то стали свободны. Правда, это свобода – "на длинном поводке", энергия уже никогда не станет легкодоступным ресурсом. Тем не менее, для "низов" появился шанс постепенно сложиться в некое подобие "среднего класса", особенно если они смогут оказаться полезными не столько своим "верхам", сколько другим "низам". Речь, в частности, могла бы идти о возможности участия сравнительно высоко образованного населения России в поднятии уровня образованности в глобальном масштабе как одном из основных факторов выживания человечества.

Что же касается наших "верхов", то, как уже отмечалось, у них есть еще некоторое время на участие в мировой торговле углеводородным топливом. Его вполне достаточно для того, чтобы освоить хотя бы азы экономической культуры "оседлого" типа, найти свое место в решении глобальных проблем.

Заключение: итоги и перспективы

Как известно, от науки современники ожидают объяснений и предсказаний. По умолчанию при этом, как правило, имеется в виду объяснение событий, их причинно-следственных связей, и предсказание опять-таки событий. Именно такого рода информация

помогает принимать решения "здесь и сейчас". Естественные науки, имеющие обширную эмпирическую базу, довольно полно соответствуют такому "идеалу научности" для хозяйствующего общества.

С общественными науками дело обстоит несколько сложнее. Человек во многом отличается именно тем, что далеко не все его действия подчиняются "железной логике" механизма причинно-следственных связей событий. Континенталистская триада "вещи – свойства – отношения", как представляется, еще сохраняет объяснительный и предсказательный потенциал. Конечно, отдельные события в ее рамках не предсказываются. Но для человека, принимающего решения, т.е. формирующего будущее, в том числе и будущие события, нужно и понимание действительности в целом, основных линии ее возможных изменений, и своего места в ней. Без этого не имеют смысла сведения о событиях – их слишком много, чтобы обращать внимание на каждое. Наука – далеко не единственный "источник информации" для формирования человеком понимания своего места в мире. Среди иных необходимо отметить веру, религию.

Как видно из содержания работы, она имеет научный характер и в ней комбинировались "событийный" и "свойственный" подходов при раскрытии заявленной темы. При этом в качестве ключевого, неоднократно повторявшегося, события брался переход от кочевого образа жизни к оседлому. Это событие в истории человечества происходило многократно в самых разных условиях и вело к разным последствиям. Среди свойств, которые принимались во внимание, здесь следует отметить верования человека, имеющие отношение к теме данной работы – экономическому суверенитету.

Автор надеется, что основное содержание работы вносит определенный вклад в объяснение современной ситуации в части экономического суверенитета, понимание его места и роли в жизни современного общества. В этом заключительном разделе хотелось бы, отталкиваясь от уже изложенного, сделать некоторые предположения относительно будущего по тем моментам, которые проходили красной нитью сквозь всю работу: динамика экономического суверенитета, взаимосвязь кочевнического и оседлого типов хозяйствования, роль верований в экономической жизни.

Динамика экономического суверенитета: вырождение или глобализация?

Результаты первого раздела, посвященного исторически первому крупному переходу от кочевого образа жизни к оседлому, показывают вырожденный, тупиковый характер одностороннего приоритета обеспеченности существования в полном соответствии с народной мудростью: "за что боролись, на то и напоролись". Как показывает практический опыт всех веков, свобода хозяйствования и обеспеченность существования это отчасти блага дополнительные, а отчасти – взаимозаменяемые, точнее. конкурирующие. Рост удовлетворения потребности в одном из них в какой-то момент оказывается возможным только за счет уменьшения удовлетворения потребности в другом.

Общества, в которых при переходе к оседлому образу жизни явный приоритет отдавался повышению обеспеченности существования, могут много веков находиться в весьма устойчивом, если не сказать застойном, состоянии в том, что относится к хозяйствованию. Только реальная угроза извне, со стороны других, экономически более развитых обществ, приводила к изменениям.

Как показал опять-таки практический опыт, после проведения необходимых институциональных изменений такие общества с успехом перенимают технологические новации и сами начинают успешно конкурировать не только в их производстве, но и в создании новых изделий, технологий в любой отрасли производства. Уровень свободы хозяйствования повышается, а основные культурные ценности, традиции, при этом сохраняются. Во всяком случае, пока. Вряд ли возможно предсказать, что будет дальше.

Связка "обеспеченность существования – свобода хозяйствования", в которой первое звено имеет приоритетное значение, а второе по отношению к нему – служебное, обеспечивающее, пока не исчерпала для общества, включающего более 1 млрд. современников.

Общества, в которых при переходе к оседлому образу жизни явный приоритет отдавался сохранению свободы хозяйствования, довольно много веков развивались весьма динамично, явно опережая тех, кто сохранил кочевой образ жизни, хозяйствования, а также те, которые оседали ранее с приоритетом обеспеченности существования. По-видимому, только международный терроризм, особенно события в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. показали вырожденность, тупиковость и этой односторонней ориентации.

Похоже, этому миллиарду наших современников, именуемому золотым, предстоит еще искать способы надежного обеспечения своего существования в условиях дифференциации уровней жизни в глобальном масштабе в размерах, признанных недопустимыми для отдельно взятого общества. По крайней мере, для общества, в котором приоритетным является свобода хозяйствования. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что демографические показатели в этом миллиарде неблагоприятны. Даже в США показатель рождаемости менее 2 на одну женщину, что свидетельствует о долгосрочной тенденции к сокращению численности населения этой части человечества.

Представляется, что Россия, как и только что упомянутые "два миллиарда", не имеет своего рецепта оптимальной балансировки двух составляющих экономического суверенитета, свободы хозяйствования и обеспеченности существования. Более того, вряд ли такой рецепт может быть предложен на уровне отдельно взятых стран, регионов.

Тенденция к пространственному расширению зоны суверенитета наблюдается в каждом из рассмотренных случаев, однако, степень ее реализации сильно различается. "Восточный вариант" показывает существование границ ее расширения, определяемый технологическими возможностями обеспечения безопасности, мало подвижными в рамках этого варианта.

"Западный вариант" показывает опережающее расширение зоны свободного хозяйствования, в принципе не имеющей ограничений, по отношению к зоне, где в достаточной мере обеспечивается безопасность существования. По-видимому, торговля, причем именно в мировом (точнее, евразийском) масштабе, появилась вместе с переходом к оседлому образу жизни. Века, последовавшие за переходом к оседлости в Европе, показали не столько пространственное расширение сферы рыночных связей – куда расширяться, кроме как в Новый Свет, – сколько втягивание все новых видов благ в межхозяйственный оборот в самых различных пространственных границах. При этом зона безопасного существования расширялась вслед за расширением рынка труда.

Рекомендация полуторавековой давности "Пролетарии всех стран, соединяйтесь" до сих пор не имеет институциональной основы в виде общемирового рынка труда с единой системой гарантий существования физических лиц. Максимум по количеству людей, имеющийся на сегодня, – объединенная Европа, прежде всего – "шенгенская зона". Максимум по территории – Россия. Но, как видно из содержания третьего раздела, ни по обеспеченности существования людей, ни по свободе хозяйствования в нашей стране пока нет устойчивых решений, что вызывает неустойчивость и пространственной границы экономического суверенитета.

Исторические события 8 декабря 1991 г. (в Беловежской Пуще) – это лишь одно из многих проявлений такой неустойчивости. Причем, вряд ли можно с уверенностью говорить о "мировом заговоре" или иных внешних воздействиях как о главной причине последовавших за этим изменений. Однако весьма вероятно, что свои проблемы хозяйствования наша страна сможет решить только в рамках мирового сообщества, которому приходится во многом аналогичными проблемами (демография, экология, чрезмерное неравенство уровней

доходов) заниматься в глобальном масштабе.

Но на этом, глобальном уровне, вообще говоря, экономический суверенитет также представляет собой нечто вырожденное, если не просто невозможное. Поскольку содержанием суверенитета, в том числе экономического, какого-либо субъекта является независимость от других субъектов, постольку на глобальном уровне исчезает сама основа для его рассмотрения – "другого человечества" для этого нет. Вряд ли надо доказывать здесь, что приведение пространственных границ обеспечения существования в соответствие с пространственными границами свободы хозяйствования, то есть доведение их до глобального масштаба, является именно экономической проблемой, решать которую может только один хозяйствующий субъект – само человечество – через разнообразные институты согласования интересов более мелких пространственных и культурных общностей (государств и народов). В последнем случае вряд ли можно пренебрегать теми возможностями и угрозами, которые, как показывает исторический опыт, сопровождают взаимодействие кочевнического и оседлого начал в хозяйственной жизни.

Ситуация значительно усугубляется по сравнению с уровнем отдельной страны тем обстоятельством, что вся рассмотренная выше история присутствует и в настоящее время. Есть и народы, продолжающие вести кочевой образ жизни, и масса других вариантов со своими представлениями о том, "что такое хорошо, и что такое плохо" в отношениях с другими людьми, другими общностями. Как недавно обнаружилось, даже на территории России есть места, где рабство еще вполне в порядке вещей, особенно, если рабом является представитель некоренной национальности.

Помимо реальной или мифической "эксплуатации сверху", со стороны "золотого миллиарда" или иных общностей, технологически продвинутых по сравнению с другими, как показывает опыт, есть и вполне реальная "эксплуатация снизу", со стороны тех, кто не может, точнее, не хочет, жить без внешней подпитки. По-видимому, массовое качественное естественнонаучное образование могло бы эффективным средством изменения таких настроений, профилактики международного терроризма. Во всяком случае, опыт России прошлого века показал, что и террор, и массовые выступления оказались эффективными в краткосрочном плане в условиях низкой грамотности населения. Значительное ее повышение в исторически короткие сроки выбивает почву как из-под индивидуального террора, так и из-под массовых выступлений с требованиями "отнять и разделить".

Индивидуализация кочевничества и глобализация оседлости

Персональный компьютер, подключенный к Интернет, – это уже сейчас возможность перемещаться, хотя и виртуально, по всему миру, сотням миллионов людей, живущих в самых разных частях света. Причем не просто перемещаться, но и действовать: работать, учиться, просто общаться. То, что раньше было способом хозяйствования и образом жизни некоторой общности – кочевой общины – теперь стало реальностью для отдельного человека, индивида. Точнее, только становится реальностью, если учитывать сравнительно небольшую долю таких людей в общем населении планеты.

О возможностях для индивида, в том числе самореализации, вряд ли надо говорить здесь сколько-нибудь подробно. Важнее обратить внимание на угрозы для общества. Выше уже отмечались особенности "кочевнической" техники мышления и социальной психологии, их положительные и отрицательные стороны. По-видимому, они будут формироваться на современной технологической базе так же, как и на первобытной. Среди них выделим одно ключевое положение: "право на ошибку".

Понятно, что "метод проб и ошибок" – универсальный для всех времен и народов. Без него жизнь невозможна. Но цена ошибки первобытных кочевников невелика и не судьбоносна. В обществах оседлого типа это не так, а потому происходила

институциональная локализация действия этого метода, в частности, в науке. Когда оседлым становится все человечество, а возможности индивидов принимать и реализовывать решения, затрагивающие интересы всех, возрастают неизмеримо и, по сути, неконтролируемо, принцип "без права на ошибку" становится столь же актуальным для всеобщего осознания и руководства, как и "право на ошибку".

Однако формирование ментальности "оседлого" типа у человека, с детства имеющего дело с компьютером, требует специальных образовательных усилий. Их недостаток, видимо, является одной из причин "хакерства" как массового явления, доставляющего неприятности и дополнительные заботы всем, кто работает в "сети". Примеров подобных угроз можно привести еще много. За всеми ними, по-видимому, стоит одна общая проблема, которую можно обозначить словами "чувство сопричастности". Его антипод – отчуждение.

Как отмечалось в основном тексте работы, руководство крупных хозяйственных структур независимо от "общественного строя" в странах их действия сталкивается с этой проблемой постоянно. Стимулирование наемных работников, судя по публикациям разных стран и времен, включая советский период нашей истории, сталкивается с одними и теми же трудностями. Рутинные, "штатные" процедуры легко поддаются "осмеиванию", калькуляции и последующей контрактации в той или иной форме оплаты труда: по результатам (сдельно), по затратам (повременно) или как-то иначе в рамках механизма причинно-следственных связей. В таких процедурах человек функционирует как часть механизма, не творит. А именно творчество, спонтанная, беспричинная деятельность ("не продается вдохновенье"), – ключ к успеху, в том числе и хозяйственному. Но для этого надо, чтобы работник, от которого ожидают творчества в интересах организации, был к ней неравнодушен, ощущал себя ее частью, а не наемником.

В родовой общине это чувство причастности формируется всем образом жизни и поддерживается обозримостью всей ее жизни для каждого члена. Правда, при этом все остальные люди – не более чем средства для продолжения жизни своей общности.

Метафора "коллективное животное" широко использовалась в данной работе но только по причине подвижного образа жизни кочевых общин. По сути дела, в исходном пункте экономической истории связь жизней первичной общности и человеческого рода в целом ничем не отличается от биологической, в ней существует точно такое же взаимное отчуждение. С одной стороны, родовой общине, как и животному, нет никакого дела до жизни того целого, необъемлемой частью которого она является. С другой стороны, жизнь человеческого рода не потерпит сколько-нибудь заметного ущерба от исчезновения одной или даже очень многих первичных общностей. Такое уже многократно случалось в истории.

Более того, такое взаимное отчуждение предметных частей и целого – объективная характеристика любого циклического процесса, начиная, например, с водоворота, смерча. Каждая отдельная частица – от молекулы жидкости или газа до крупных предметов – случайно попадает на время в состав этого целого, циклического процесса, а затем продолжает самостоятельное существование, если не подверглось разрушению. В свою очередь, для существования того же водоворота безразлично, какие именно молекулы или другие частицы попадают в него, лишь бы их свойства как вещей были для этого подходящими.

Что характерно для биологических циклов на уровне "вид – индивид", так это над-индивидуальные спонтанные изменения, мутагенез, который обеспечивает приспособляемость вида к изменениям условий существования индивидов. В животном мире к этому типу спонтанности добавляется спонтанность на уровне индивидов, выражающаяся, прежде всего, в самостоятельных перемещениях тела в пространстве как средстве поддержания его собственной жизни. Этот тип спонтанности вступает в определенный конфликт со надиндивидуальной спонтанностью мутагенеза: чем эффективнее действует один тип, тем

меньше возможностей для действия другого. Можно сказать, что человек как вид представляет собой вырожденный случай: выживание вида в целом в меняющихся условиях теперь зависит не от спонтанности общебиологического типа – видовой, а от спонтанности животного типа – индивидуальной. Но для того, чтобы эта зависимость была позитивной, а не негативной, необходимо уже упоминавшееся чувство причастности. В данном случае – каждого отдельного человека к человеческому роду.

Но, как уже выше отмечалось, такое чувство изначально не существует, а существует нечто противоположное – отчуждение первичной общности, а вместе с нею и отдельных индивидов, от существования человеческого рода. Это чувство находилось в полном соответствии со способом обеспечения существования родовой общины – кочевым хозяйствованием. Тотем одновременно поддерживал и чувство причастности к первичной общности ("свои"), и чувство отчужденности от других ("чужие").

Последующее изменения способов хозяйствования приводят, если еще не привели, к радикально иной ситуации. В хозяйственном отношении мир стал един и степень единства постоянно повышается, а изначальное отчуждение индивида от человеческого рода хотя и изменило формы, но еще далеко не исчезло. Возможно, именно это становится самой главной глобальной проблемой.

Возможно, методы, применяемые менеджерами по управлению персоналом при решении аналогичных проблем на уровне отдельных хозяйственных структур, в частности, по сознательному формированию корпоративной культуры, помогут в решении глобальной проблемы отчуждения в том виде, как она здесь представлена. Однако все эти структуры взаимодействуют, конкурируют с другими, поэтому связка "свой – чужой" остается ключевой и продолжает работать на глобальное отчуждение. Принцип, сформулированный в рамках религиозных верований, – "все люди – братья" не применяется в хозяйственной жизни, остается за ее пределами или вообще отсутствует в сознании многих людей.

Верования и экономический суверенитет: от тождества к самостоятельности?

Прежде чем подводить итоги рассмотрения роли религиозных верований в реализации экономического суверенитета, сделаем два предварительных методологических замечания. Во-первых, никакое хозяйствование невозможно без веры хотя бы потому, что будущее неизвестно никому из принимающих решения. Оно творится этими решениями. Можно только верить, что принятые и реализованные решения дадут именно те результаты, на которые рассчитывали. Знать этого заранее нельзя. Это относится и к решениям чисто технического характера, но там существуют способы гарантирования с заданной степенью вероятности получения требуемого результата. Но в еще большей мере – к решениям, выполнение которых зависит от обстоятельств, находящихся под воздействием других самостоятельных хозяйствующих субъектов, "чужих". Знать, что они будут делать, не может никто. Можно, опять-таки, только верить, строить предположения, опираясь, в частности, на представления об их верованиях.

Во-вторых, сам по себе переход от кочевого образа жизни к оседлому есть явление сугубо прагматическое и по причинам, и по непосредственным следствиям. Он может быть объяснен как результат рационального выбора между сохранением прежней степени свободы хозяйствования и повышением степени обеспеченности существования. В то же время, он ведет к усилению прагматичности образа жизни, поскольку повышается степень зависимости ее продолжения от собственных усилий хозяйствующих субъектов. Эта прагматизация затрагивает и область верований.

Исторически первый "предмет" веры (кавычки здесь поставлены потому, что такие слова, как "предмет", "объект", строго говоря, мало пригодны для обозначения Того, к "Чему" или к "Кому" ощущает причастность верующий субъект) – тотем – был, по-видимому,

полезным "существом" для носителей веры. Как и они, он был активен, мог влиять на события, сам стать их причиной. Эта "активная жизненная позиция" присутствует во всех последующих "модификациях" верований, если так можно выразиться.

Однако, в разных вариантах перехода к оседлому образу жизни связь этих верований с хозяйствованием складывалась по разному. Повышенная роль сверх-естественного, но человеческого, начала в "восточном варианте" обеспечения существования государства и его обитателей вывела верования за пределы общественного внимания и контроля. Прагматизм восточного подхода к верованиям, убеждениям, хорошо демонстрирует известная поговорка: "не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она хорошо ловила мышей". Как уже отмечалось в основном тексте, именно такая позиция "верхов" позволила в свое время стать восточным обществам кузницей мировоззрений, ориентированных на личностный человеческий идеал, а затем, уже в наше время, помогает "коммунистическому Китаю" эффективно перенимать достижения "западной буржуазной культуры". Религиозная толерантность (терпимость) – давняя традиция Востока, практически полностью отсутствовавшая на Западе.

Вообще говоря, только по отношению к религиозным верованиям уместно говорить именно о толерантности, терпимости, как тому, что, "конечно, хуже моего, но, так и быть, пускай будет". Отношение к другим людям, независимо от их верований, в принципе может быть и более теплым, их даже можно любить "как себя", как равные себе творения.

"Западный вариант" перехода к оседлой жизни показывает высокую степень вовлеченности религиозных верований в хозяйствование. Как уже отмечалось, тотем – активный "участник" хозяйственной жизни соответствующей общности. Таким же активным "участником" стал и новый "тотем", теперь уже единый для всех.

Этот утилитарный характер отношения к "предмету веры" имел весьма разнообразные проявления и последствия. Среди наиболее известных проявлений можно отметить уже упоминавшиеся индульгенции, а также религиозные войны как с иноверцами, так и с представителями той же религии, только иного ее толкования. Трудно сказать, что больше двигало участниками таких войн – религиозные или простые хозяйственные ценности (например, земля, транспортные пути). Как проявление такого утилитаризма в сфере мышления, видимо, можно рассматривать и то, что бытие Бога стало некой отдельной проблемой, доказательства Его бытия стали средством совершенствования техники мышления.

Умение видеть разницу между действительно религиозными конфликтами и конфликтами, в которых религиозная аргументация используется для прикрытия иных интересов, необходимо и в наше время, при анализе текущих событий. Например, традиционное присутствие мусульман в Поволжье, являющемся основным местом переработки нефти, добываемой там же и в Сибири, и расположенном на путях транспортировки газа, является слишком удобным обстоятельством, чтобы внешние силы, заинтересованные в усилении своего влияния на внутреннюю жизнь нашей страны не попытались им воспользоваться. Практически полное невежество нашего населения в вопросах религии, связанное с доминированием естественнонаучной компоненты в общем образовании, позволяет сейчас, с одной стороны, возбуждать исламофобию и, с другой стороны, инициировать "исламский экстремизм".

Главным последствием можно назвать "переворачивание пирамиды" в отношении носителя веры и ее "предмета". Если в исходной ситуации носитель веры рассматривает себя как часть целого, которому служит он сам, то в обратной ситуации "предмет" веры попадает в ситуацию средства, причем одного из многих других средств. Проявляется это, прежде всего, в приспособлении веры к потребностям хозяйствования. В разных ситуациях появляются разные версии выполнения религиозных предписаний, в большей мере учитывающие

хозяйственные интересы, "раз уж без религии нельзя". Возможно, самым удачным оказался вариант приспособления, открывший широкую дорогу развитию капитализма.

Там, где приспособление принимало ограниченные формы, приходилось терпеть в хозяйственной жизни носителей иных верований, которым "их вера позволяла" то, что своя запрещала, а экономическая жизнь – требовала. В первую очередь это относится к ссудному проценту.

Заповедь возлюбить других, причем не только близких, но и дальних, и даже врагов, как самого себя никак не вписывалась в логику хозяйствования, а потому вытеснялась на ее периферию, вообще в так называемую частную жизнь или вообще отбрасывалась. Вера в помощь в хозяйственной жизни со стороны "носителя" веры заменялась столь же ненаучной верой в науку, ее способность решить все технические проблемы хозяйствования, экономического взаимодействия человека с природой. Иначе говоря, "Бог умер", началась постхристианская эпоха.

Однако установка на важность верований, их единства у основной массы населения для успешного хозяйствования, в общественном сознании сохранилась. Поэтому манипуляция сознанием, "промывание мозгов" в тех или иных формах считается важной стороной управления на самых разных уровнях. Средства массовой информации, по-видимому, должны быть эффективным инструментом такой манипуляции. Тем не менее, остается неприятная закономерность: чем больше человек поддается манипулированию, тем в меньшей степени он способен быть творцом, подобием того самого Творца. А без этого, как уже отмечалось, он не так уж интересен даже как "фактор производства" в постиндустриальную эпоху.

Сказанное здесь о специфике "западного варианта" перехода к оседлому образу жизни, по-видимому, подтверждается на примере ислама, который первыми приняли арабские кочевники. Здесь исходная слитность жизни тотема как "предмета" и членов общности перешла в очень тесную связь религиозных предписаний и непосредственной жизни. Можно встретить даже утверждения, что ислам – это не религия, а образ жизни. Изначально отрицательное отношение к ссудному проценту до сих пор создает определенные хозяйственные затруднения в мусульманском мире.

"Российский вариант" перехода к оседлой жизни, начатый на языческой основе и продолженный на православной, также показателен. "Предметом" веры он не отличается от западного, а по связям верования с хозяйственной жизнью приближается к восточному.

В основном тексте уже отмечалось, что православие оказалось непригодным "для целей хозяйствования". С западной точки зрения – это его недостаток, слабость. Но это именно с той точки зрения, что верования человека могут и должны приносить ему пользу в его земной жизни.

Православие этим не занимается никоим образом. Именно поэтому все попытки его "использования" еще в царской России оказались безуспешными или даже пагубными для всех, кто оказался к этому причастен – властей, священников, мирян.

Возможно, православие предлагает завышенные требования к человеку – не столько "думать о Боге, о Его бытии или отсутствии", сколько жить "по Божески", отдавая, как Он, жизнь "за други своя" и даже за недругов, таких же, как он "образов и подобий", не создавая при этом кумиров ни из них, ни даже из человеческого рода, который тоже не вечен. Но, может быть, именно такие "завышенные требования" как раз впору для того, чтобы человек мог трезво ориентироваться в современном мире, быть не объектом чьих-то манипуляций, а субъектом, для которого творчество – это способ существования, а не редкая экзотика? Может быть, искреннее религиозное чувство причастности к Творцу, распространяемое и на все Его творение, включая человеческий род, попутно способствует преодолению того чувства отчуждения человека от человечества, о котором говорилось выше?

В любом случае представляется, что отрешенность фундаментальных верований от "злости дня" – вещь вполне возможная и, не исключено, желательная для решения и тех проблем, которые рассматривались в этой работе. Суверенитет личности может и должен обеспечиваться и после того, как проблемы экономического суверенитета станут достоянием истории.

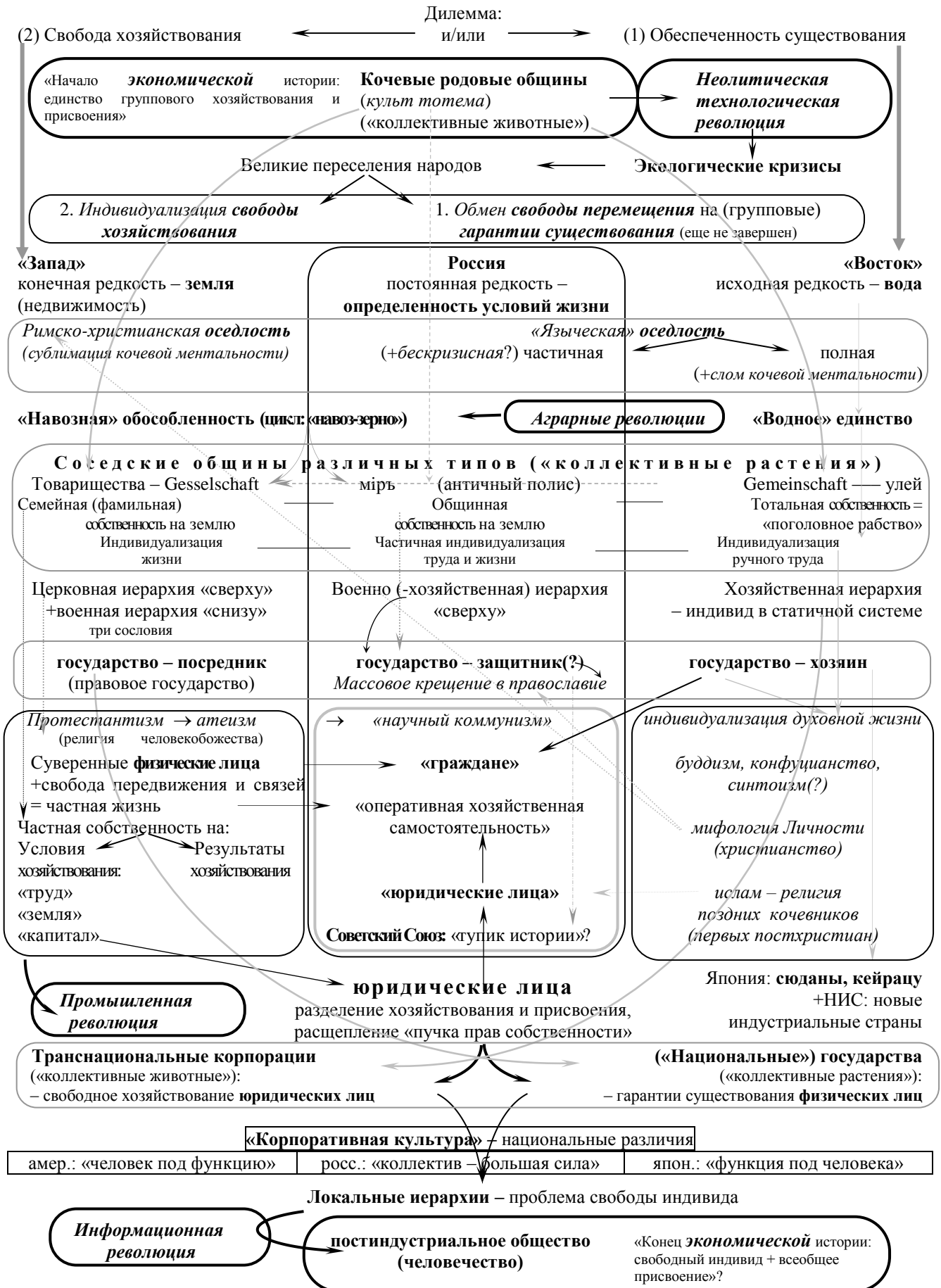
Литература

- Ананьин О.* (1992) Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества. М.: Изд-во ИЭ РАН.
- Булгаков С.* (1906) Религия человекобожества у Фейербаха. М.: Свободная совесть.
- Виленский А.* (1993) Японские парадоксы // Вопросы экономики. № 8, с. 131.
- Имамичи Т.* (1995). Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. №3.
- Капустин Б.* (1995) Либеральная идея и Россия (Прологомены к концепции современного российского либерализма) // Иное, М., "Аргус", т.3, с. 131.
- Кара-Мурза А.* (1995) Между Евразией и Азией // Иное, М., "Аргус", т.3, с. 177-178.
- Левев В.* (1990) От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. №7.
- Лувсан Г.* (1991) Очерки методов восточной рефлексотерапии. Новосибирск: Наука.
- Мау В.* (1993) Реформы и догмы. М.: Дело, с. 9.
- Нефедова Т., Трейвиш А.* (1996) Постсоветское пространство России // Мир России, № 2, 1996.
- Нуреев Р.* (1987) Экономическая мысль эпохи рабовладения // Всемирная история экономической мысли. Т. 1. М.: Мысль.
- Окумура Х.* (русс. изд. 1986) Корпоративный капитализм в Японии: Пер. с япон. М.: Мысль.
- Пастухов В.* (1992) Будущее России вырастает из прошлого: посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Полис, № 5-6.
- Пастухов В.* (1995) Культура и государственность в России: эволюция евразийской цивилизации // Истоки, т.2, М., "Аргус".
- Пивоваров А.* (1993) Политическая культура и политическая система России: от принятия христианства до петровских реформ // Мир России. Т. II. №1.
- Султанов Ш.* (1995) Карма элиты: вдох-выдох, ночь-день... // Иное, т.2, с. 200-206.
- Туган-Барановский М.* (1912) Основы политической экономии, Пг., с. 86.
- Туган-Барановский М.* (1912) Очерк развития мануфактурной промышленности в России // Вестник мануфактурной промышленности (бесплатное приложение), М., Пг.
- Хайек Ф.* (русс. изд. 1992) Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: Пер. с англ. М.: Новости,.
- Цимбурский В.* (1995) Циклы "похищения Европы" // Иное, М., "Аргус", т.2.
- Цимбурский В.* (1993) Остров Россия // Полис, № 5.
- Fisher F.* (1983) Disequilibrium foundations of equilibrium economics. Cambridge University Press. Ch. V.

Приложение: взаимосвязи свободы хозяйствования и обеспеченности существования
(см. отдельный файл)

<u>Введение</u>	<u>1</u>
<u>Предварительные замечания</u>	1
<u>Определения</u>	2
<u>Картины экономической реальности</u>	6
<u>Суверенитет как экономико-философская категория</u>	6
<u>1. Восточный суверенитет: коллективная обеспеченность существования</u>	<u>9</u>
<u>Языческая оседлость</u>	9
<u>Государство-хозяин</u>	11
<u>"Кузница мировоззрений"</u>	14
<u>2. Западный суверенитет: индивидуализация свободы хозяйствования</u>	<u>15</u>
<u>Государство-посредник</u>	17
<u>"Кузница техник мышления"</u>	22
<u>3. Российский суверенитет: поиски продолжаются (или: "война по вертикали" – "кто самее?")</u>	<u>25</u>
<u>Незавершенная оседлость</u>	25
<u>"Мирь"</u>	26
<u>Государство-защитник</u>	27
<u>Мировоззренческий тупик?</u>	30
<u>Заключение: итоги и перспективы</u>	<u>33</u>
<u>Динамика экономического суверенитета: вырождение или глобализация?</u>	34
<u>Индивидуализация кочевничества и глобализация оседлости</u>	36
<u>Верования и экономический суверенитет: от тождества к самостоятельности?</u>	38
<u>Приложение: взаимосвязи свободы хозяйствования и обеспеченности существования</u>	42

Опорный конспект. Взаимосвязи свободы хозяйствования и обеспеченности существования

Условные обозначения феноменов:
простой курсив – духовные, **жирный шрифт** – институциональные, *жирный курсив* – технологические.